63.52(24)
П-46
687532

902.7
П46

В. П. ПОЖИДАЕВ

ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ИНГУШИ, ЧЕЧЕНЦЫ, ХЕВСУРЫ, ОСЕТИНЫ И КАБАРДИНЦЫ

102801
33

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

В. П. ПОЖИДАЕВ

ГОРЦЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

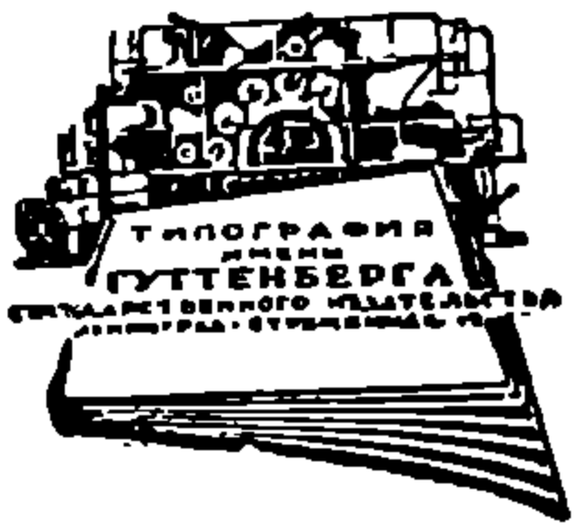
ИНГУШИ, ЧЕЧЕНЦЫ, ХЕВСУРЫ, ОСЕТИНЫ И КАБАРДИНЦЫ

КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1 — 10 тысяч

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ
ГУТТЕНБЕРГА

ОТ АВТОРА.

Последние годы нашим окраинам посчастливилось. По тем или иным причинам и в центре, и на местах ими начинают усиленно интересоваться и изучать их. Особенно это надо сказать о Кавказе. Ежегодные научные экспедиции и экскурсии столичных профессоров — А. Миллера, Н. Яковлева, Бакланова и др., а также местных научных работников в глубь Кавказа, ежегодные многолюдные конференции и съезды по изучению производительных сил края в достаточной степени говорят за это. Согласно с этими новыми здоровыми веяниями идут и разные краткосрочные просветительные курсы: учительские, кооперативные и другие, где кавказоведческим дисциплинам неуклонно уделяется серьезное и видное место. Кавказские школы, средние и высшие, также не остались в стороне от этого движения, и, например, Педагогический Институт во Владикавказе ввел у себя целый цикл кавказоведческих дисциплин, которые регулярно привлекают большое количество слушателей не только из самих студентов, но и из посторонних лиц, главным образом учителей.

С умиротворением края вновь возрождается паломничество на Кавказ, и экскурсии из отдаленных мест всего Союза ССР, из столиц и областных центров, беспрерывно вереницей потянулись к южной окраине. Двери Владикавказского Музея в течение всего летнего сезона ни на один день не закрывались перед этими далекими посетителями, жаждущими видеть и осмотреть все, что касается нашего прекрасного Кавказа. Народился большой круг читателей кавказоведческой литературы. Все старые сборники, монографии, научные и популярные, так или иначе трактующие о Кавказе, валявшиеся иногда целые десятки лет на полках

у местных книгопродавцев и букинистов, ожидая покупателя, — теперь за последние 3—4 года совершенно исчезли с рынка и очутились на полках или организующихся кавказоведческих библиотек в городах Ростове, Владикавказе, Ставрополе, Краснодаре, Тифлисе и др., или на полках учителей, кооператоров, агрономов и других местных общественных работников, которые цепко держатся за каждую книгу и брошюру и не выпускают ее из рук. Книжный рынок на Кавказе (в Тифлисе, Владикавказе, Краснодаре и других городах) остался без всякой литературы о Кавказе, и это в то-время, когда спрос на нее со стороны приезжих экскурсантов, местных учителей, студентов и рабфаковцев не уменьшается, а растет с каждым днем.

Предлагаемый популярный очерк есть скромная дань времени. Как преподаватель целого ряда кавказоведческих предметов в Северо-Кавказском Педагогическом Институте во Владикавказе и лектор по этим же предметам на различных просветительных курсах в гор. Владикавказе, я полагаю, что предлагаемый очерк соответствует запросам дня и найдет себе достаточный круг читателей как среди представителей названных категорий, так и других сознательных читателей. Большая часть очерка, особенно его этнографическая сторона, написана на основании материалов, собранных автором во время его многократных экскурсий по горам и ущельям Кавказа; то же можно сказать и о фотографиях, которые, за самым малым исключением, сделаны им же во время названных поездок.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОЧЕРК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ.

1. Горы главного Кавказа.

На самом юге Европейской половины СССР, между Черным и Каспийским морями, лежит горная страна — Кавказ. Высоким заоблачным хребтом, который тянется от Черного моря и до Каспийского, он делится почти на две равные половины—на Северный Кавказ, или Предкавказье, и Южный, или Закавказье. На север и на юг от этого высокого хребта, который называется Главным, расположены еще и другие, второстепенные хребты, более короткие, но по высоте (как напр., Передовой) не уступающие даже Главному. Одни из них тянутся в продольном, другие—в поперечном направлении, образуя множество узких, мрачных ущелий, горных долин и замкнутых котловин с трудными, часто почти недоступными проходами.

И Главный, и Передовой хребты так высоки, на их гребнях и пиках так холодно, что там круглый год лежит снег и лед; особенно его много на таких горных вершинах, как Эльбрус, Кошкатау, Казбек, Лобада, Джимара и др. (см. рис. 1 и 2).

Снег и лед от тяжести понемногу сползают с вершин вниз в ущелья и замкнутые котловины, образуя обширные снегохранилища — ледники. Таковых на Кавказе целые сотни, при чем один Эльбрус дает около 30 ледников. Наиболее известными из них на северном склоне считаются: Карагомский, Цейский и Девдоракский. Чем дальше от Главного и Передового хребтов к северу и югу, тем горы делаются доступнее и ниже. Понижаясь к северу, они носят различные названия, смотря по характеру и их внешности—

то Скалистые (голые каменистые хребты, лишенные всякой растительности), то Черные — Лесистые, — эти последние, постепенно снижаясь, незаметно сливаются с обширной Северо-Кавказской равниной, которая тянется от Лесистых гор до Маныча — на север и от Азовского моря до Каспийского на восток.

Рис. 1. Гора Джимарай-хох.

На южном склоне Главного хребта мы также видим две большие равнины — восточную, примыкающую к Каспийскому морю, и западную — к Черному. По первой из них течет большая река Закавказья — Кура, по второй — Рион. Оставим южный склон Кавказских гор и обратимся к северному, о природе которого и насельниках мы и поведем дальнейший рассказ.

2. Орошение.

Облака и тучи, плывущие с запада и северо-запада, дойдя до Кавказских гор, задерживаются на своем пути, останавливаются, охлаждаются и разражаются обильным дождем, а зимой снегом. Таких атмосферных осадков, главным образом дождя, особенно много выпадает по предгорью—

Владикавказ, Алагирь, Нальчик. Ежегодные наблюдения показали, что в этих местах выпадает в год такого рода атмосферных или воздушных осадков до 900 миллиметров или раза в два больше, чем в Московской и Владимирской губ. Самыми дождливыми месяцами здесь считаются май и июнь. Чем дальше от гор, тем меньше дождей, и случается, что

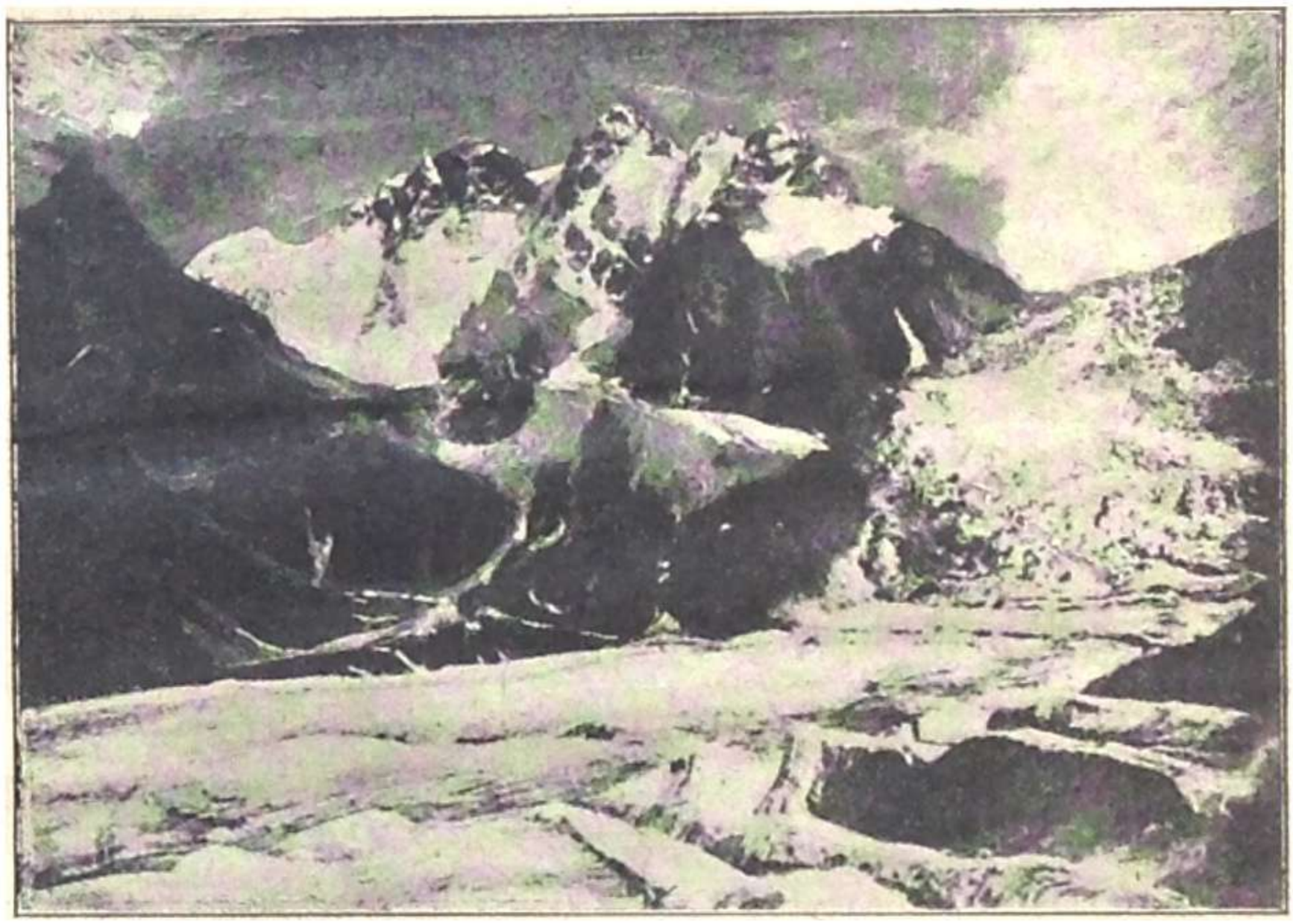

Рис. 2. Гора Казбек.

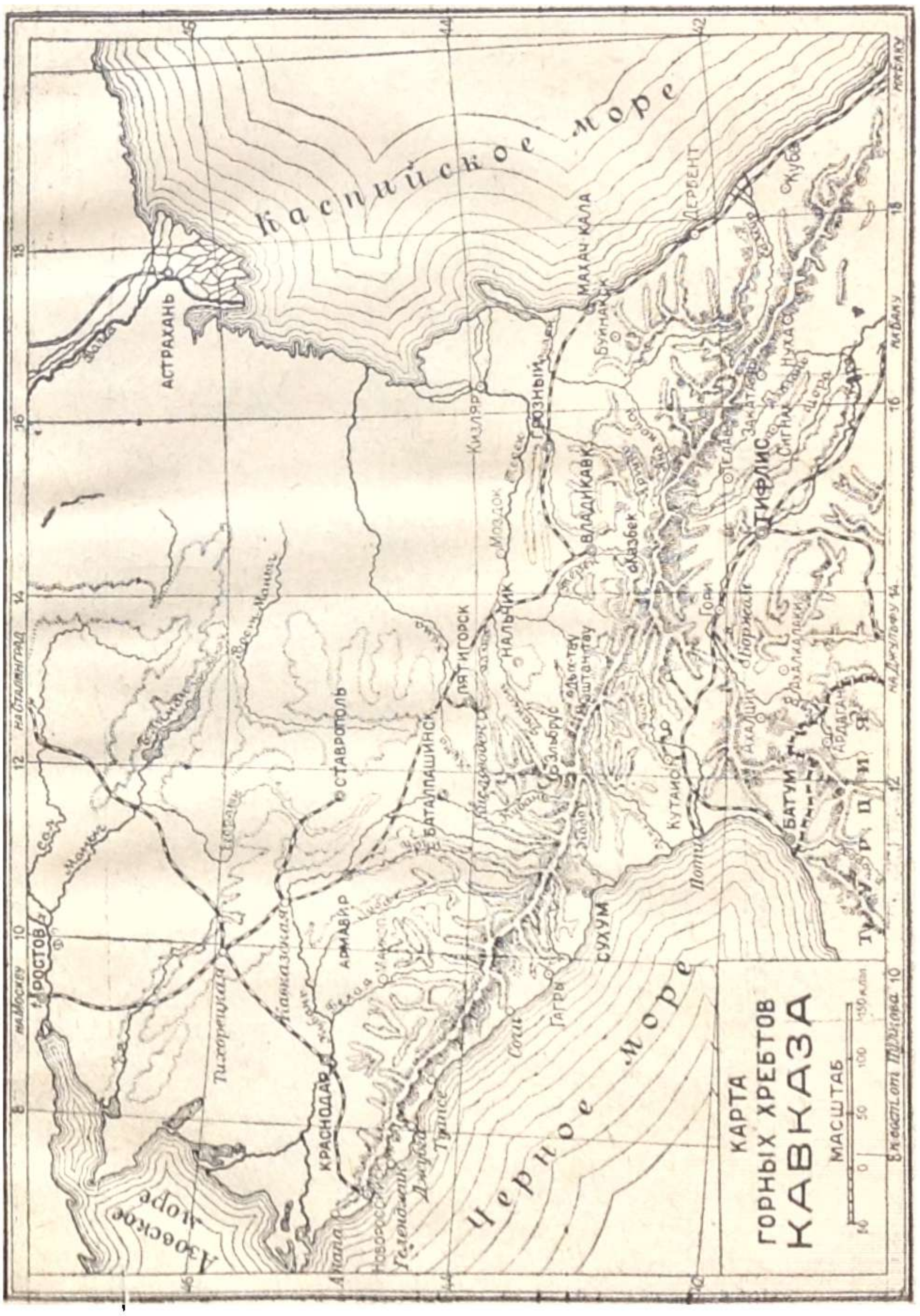
в один и тот же год на равнине гибнет урожай от засухи, а в предгорье от обилия дождей. Нагорные снега и ледники, подтаивая, дают начало множеству горных ручьев и речек (см. рис. 8), которые с шумом и гулом, прыгая с утеса на утес, подтачивая берега и скалы, несутся по мрачным каменистым ущельям и, выбегая во множестве на плоскость, сливаются вместе, образуя две главные реки Северного Кавказа — Кубань и Терек. Первая из них начинается у Эльбрусских ледников и, приняв с левой стороны несколько значительных притоков: Зеленчук, Белую и Лабу, впадает в Азовское море. Терек начинается маленьким ручейком за г. Казбеком, но затем, быстро увеличиваясь, превращается в могучую горную реку, которая со страшным шумом и грохотом мчит свои мутные воды по Дарьяльскому ущелью

и, выбежав около г. Владикавказа на равнину, принимает несколько притоков, таких же бурных, как и он сам. Важнейшие из них с левой стороны р. Малка с Баксаном и Черéком и Урух, и с правой стороны р. Сунжа со своим притоком Аргунью. Приняв эти воды, Терек тихо и медленно течет на восток и, разделившись на множество рукавов, впадает в Каспийское море. Кроме этих двух главных рек, есть на

Рис. 3. Горный ледник и начало потока.

Северном Кавказе и еще одна поменьше — Кума, собирающая свои воды с ледников Эльбруса, но эта, являясь в своем среднем течении довольно значительным водным потоком, по мере удаления от гор, мелеет и истощается и пропадает в песках, не достигнув Каспийского моря. Эти реки со своими притоками отличаются одной особенностью, которая делает их непохожими на наши русские реки. В то время как наши воды с наступлением жары все более и более мелеют и тощают, кавказские реки с наступлением жары, когда начинается усиленное таяние льдов и снегов на горах, откуда они берут начало, наоборот, сильно увеличиваются и делаются настолько полноводными и бурными, что переправа через них в брод становится делом чрезвычайно опасным, а иногда и прямо-таки невозможным.

В. Пожидаев. Горцы Сев. Кавказа.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ КАРТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

УСЛОВН. ЗНАКИ:

- Гр-цы Независимых ССР.
- Сев-Кавказского Края
- Авт. Республик и Областн.
- Округов

3. Природные богатства.

Умеренный и теплый солнечный климат, обилие атмосферных осадков — дождей и снега и хорошая черноземная почва на равнине и в предгорьях породили на Кавказе богатую и разнообразную растительность. Однако, эта растительность не всюду одинакова и меняется от высоты места, количества тепла и солнца. На самых высоких горах, на высоте трех верст и больше над уровнем моря, стоит и летом и зимой такой холод, что снег лежит там круглый год. Ниже трех верст, на вершинах, перевалах и на солнечных склонах начинаются луга, сперва бедные, тощие, затем, чем ниже, тем богаче и роскошнее. Чего-чего здесь не увидишь: и ромашки всех цветов, и ландыши, и рододендроны — прямо настоящая радуга — глаз не оторвешь... уходить не хочется... А аромат такой, что пьянеешь, а тут же, немного выше, вечные снега горят на солнце, глаза слепят, а прямо над головой синее-синее, бездонное небо и мир и тишина несказанные... На высоте двух верст и ниже появляются деревья, сперва хвойные: сосна, пихта и ель, потом хвойные в перемежку с лиственными, а затем одно чернолесье (дуб, клен, ясень, бук, чинара и др.). Еще ниже — плодовые деревья, вишни, груши и яблоки (дикие), а затем садовые — абрикосы, местами персики и виноград. Из хлебных злаков мы видим в горах овес и ячмень, на плоскости, в местах более теплых и солнечных, к тому же еще пшеница и кукуруза. Последнее время и на плоскости и даже в горах горцы усиленно стали разводить картофель, огурцы, капусту, редьку.

Из диких животных, хищных и жвачных мы наблюдаем на Северном Кавказе тех же волка, медведя, лисицу, зайца, что и в России, нередкость белка, рысь, куница и даже чернобурая лисица; в глухих лесных зарослях — благородный олень и даже зубр (верховья р. Белой), на скалистых горах — тур (дикий баран). Среди домашних животных, кроме наших русских пород, мы встречаем на равнине огромного черного буйвола, иногда и верблюда, а в горах еще и осла.

Из минеральных богатств больше всего на Северном Кавказе обследованы и разрабатываются нефть (Грозный и близ

Майкопа) и лечебные минеральные воды (Пятигорск, Железноводск. Кисловодск, Ессентуки, Пятигорская группа и Серноводск близ Грозного); из минералов: серебряно-свинцовая руда (по Садонскому ущелью).

4. Дороги.

Поперечные ущелья главного Кавказского хребта и северного и южного склона своими верховьями иногда очень близко подходят одно к другому, образуя, таким образом, узкий, длинный и извилистый коридор — проход с северного склона Кавказского хребта в южный. Население гор воспользовалось такими природными коридорами и проложило по днищу этих ущелий пешеходные и даже колесные дороги, по которым и переходит с одного склона гор на другой. Самыми известными такими дорогами на Кавказе считаются Военно-Грузинская, идущая в северной своей части по Терскому или Дарьяльскому ущелью, а в южной по Арагве, и Военно-Осетинская дорога, которая тянется в северной половине по ущелью, омываемому рекой Ардоном, а в южной—Рионом. Она начинается у селения Алагирь и идет до города Кутаиса. Первая из этих дорог разработана русским правительством по последнему слову дорожного строительства; удобна не только для экипажей, но и для автомобилей. Вторая вполне разработанной и для экипажей и для автомобилей может считаться только до Садонских рудников (около 40 километров от Алагиря). Кроме этих двух главных дорог, соединяющих Южный Кавказ с Владикавказом, имеется множество и других, но они менее удобны для передвижения, и ими пользуются только местные жители.

5. Население.

Все эти горы и ущелья с незапамятных времен являются местом поселения множества племен и народностей. Оно и неудивительно. Кавказ со своими мрачными, узкими ущельями и замкнутыми котловинами издари считался убежищем для всех гонимых и преследуемых на равнинах Предкавказья и Закавказья. И они бежали от врагов, спасая свою жизнь и жизнь своих семей. Одни из них, как, например,

карачаевцы и балкарцы (турецкие племена) и осетины — пришли с севера и, проникнув в ущелья, добирались до самых верховий ущелий с их ледниками, а некоторые, как, например, осетины — перебирались даже через перевал на противоположный склон. Другие, как, например, черкесы, чеченцы и ингуши, наоборот, есть основание думать, пришли из Закавказья и, переправившись через крутые перевалы, спустились на северный склон и разместились по его ущельям и котловинам. Некоторые из этих племен, например, осетины живут в горах так давно, что времени их основания на нынешних местах не хранят ни живая память стариков, ни седые предания, ни песни народные. После них расселились на своих местах ингуши, чеченцы и кабардинцы-черкесы. Позднее всех из горцев пришли на Кавказ татарские племена — кумыки, карачаевцы-балкарцы — всего каких нибудь 400 — 500 лет тому назад.

Не легка жизнь в горах и не легки там передвижения и сношения аула с аулом, а часто даже и соседа с соседом. Так в Дагестане, Хевсуретии и особенно в Сванетии есть места, куда можно пройти и вернуться назад только в самое жаркое время — в июле и августе (5—6 недель), когда узенькие вьючные тропы освобождаются от снежных завалов, что бывает даже не каждый год... А в Дигории (замкнутое ущелье в 80 верстах от Владикавказа) до прихода русских и устройства ими дороги только наиболее отважные рисковали ходить по тем козьим тропам, которые вели к ним с равнины и обратно. И мне называли в Дигории одного старика-джигита, который превзошел всех своих предшественников, так как он за свою жизнь четыре раза выходил на плоскость. Это считалось подвигом выдающимся. Остальная масса всю жизнь сидела сиднем в своих аулах, ничего не видя, кроме них, не имея представления, что такое город, равнина, иная жизнь. Отрезанные бездорожьем от всего внешнего мира, они были предоставлены самим себе и своей судьбе и жили, как их отцы и деды, и в то время, как там, на равнине, жизнь кипела и шла все вперед, в глухих горных трущобах она как бы застыла и остановилась, и подавленные экономически горцы со своими обычаями продолжали жить так, как жили их предки 300—400 и больше лет тому назад. Оно и понятно: не у кого было подглядеть что-либо новое,

поучиться чему-либо другому. А главное, не было политического и экономического стимула (толчков, потрясений), которые сдвинули бы жизнь с мертвой точки и направили бы по иному пути. Теперь с войной и революцией, с массовым выселением горцев на равнину и проникновением в их среду политики и коммунистического учения они во многом отстают от своей старины и обычаев. Но это все молодежь, а отцы и деды еще держатся родной старины и дедовских заветов.

Вот эту-то старину горца и весь его жизненный уклад, местами уже отживающий, я хотел описать в моем очерке, Мой рассказ коснется только некоторых из этих народностей — осетин, кабардинцев (черкесов), ингушей, чеченцев и хевсуров, обитающих по обе стороны от Военно-Грузинской дороги, как раз в центральной части Северного Кавказа. Расчленяя их историческое прошлое, я не разделяю их этнографии, их бытового уклада, как имеющего много общего, и рассматриваю все это целиком.

6. Ингуши.

Это красивое, ловкое и воинственное племя насчитывает в своих рядах всего 60 тысяч человек; их поселения в настоящее время вплотную подходят к г. Владикавказу, культурному центру всего Северо-Восточного Кавказа. Наиболее близким и родственным им племенем считаются чеченцы, живущие на восток от них, вокруг г. Грозного, и с которым они составляют один народ нохчий, что в переводе и означает „народ“. Современная наука полагает, что названный народ „нохчий“, равно как и черкесы — одного корня с грузинами, но уже в глубокую древность он оторвался от своих единоплеменников и, перевалив через хребет на северный склон, поселился по ущелью реки Ассы и здесь сформировался в самостоятельное племя. Это первоначальное и старинное гнездо ингушей находится за Столовой горой, в 40 верстах от Владикавказа, и называется Горной Ингушетией. До самого последнего времени оно делилось на четыре общества: Цоринское, Хамхинское, Мецхальское и Джераховское. Ближе всего к Военно-Грузинской дороге живут джерахонцы, которые долгое время были известны их соседям

под именем кистинцев. Никакой грамоты и письменности этот народ не создал и все свое прошлое, всю свою историю (иное дело, насколько правдиво и точно) он и доныне хранит в памяти народной, в своих песнях, сказках и родовых преданиях. Эти предания говорят, что некоторые, из их колен, например, жители селений Эгй, Хамхи и Таргилим (Хамхинское общество) ведут свое происхождение от басно-

Рис. 4. Группа ингушей у колодца.

словного богатыря Галгая, сирийского выходца; цоринцы — от одного знатного грека; род баркинхоев от кумыкского князя и т. п. Из тех же народных преданий мы узнаем, что отдаленные ингушские колена вели жестокую кровавую междоусобную борьбу друг с другом, вплоть до полного истребления побежденного рода победителем. (Сказание о народе Дэви и его гибели, предание, записанное автором в горной Ингушетии в 1021 г., и доныне хранится в памяти народной). Однако, самым любопытным, да, пожалуй, и наиболее характерным преданием можно назвать легенду о том, как ингуши выбирали себе князя. Расскажу ее.

Собрались как-то в праздник старики знатных родов — Дэви, Кэкэл и Алгира-Кумыка на сходку потолковать о разных делах... Все жаловались на взаимные раздоры, несогласия, кровопролития и не знали — как положить

этому предел. „Заведем себе князя, как кабардинцы,— предложили одни,— и больше будет порядка". „То кабардинцы, а то мы",— возражали другие... „А чем мы хуже их, — горячились третьи, — есть ли еще у них такие знатные роды, такие крепкие башни и столько рабов"... После долгих споров и шума порешили: быть князю у ингушей... Назначили всенародное собрание, где теперь Албн-Ерды (уважаемая святыня — часовенка на реке Ассе, недалеко от Тхаба-Ерды — Хамхинского общества (Горная Ингушетия). Наметили трех кандидатов: один из рода Тарги, другой Алгира, третий Шавлы, грузинского выходца. Однако, когда уже решили бросить жребий, заметили, что нет на собрании Газдиева (из рода Эги), родоначальника теперешних ингушских фамилий Бозоркиных, Ужаховых, Тандиевых. Этот Газдиев пользовался большим уважением среди ингушей за свой ум, честность и справедливость, и решить такой важный вопрос, как выбор князя, не посоветовавшись с Газдиевым, многим казалось ошибкой и легкомыслием. Послали за ним. Три дня медлил старик, и три дня, уважая его, ожидал народ. Наконец, явился. Он был на чудном кабардинском коне, в богатой черкеске и папахе, в таких же ноговицах, но... вместо пояса все увидели у него, к крайнему недоумению, ослиную веревку... Удивились старики, но не рассмеялись, и спросили: „Что же это такое, Тимбот, разве не было у тебя ничего лучшего к этой черкеске, что ты напялил на себя ослиную веревку?"... „А разве нейдет?" — просто спросил Газдиев. — „Сам ты рассуди, — ты человек умный,—идет ли к такому наряду такой убогий пояс?" „Так значит нейдет?" — „Конечно, нейдет". — „Вот, так же не к лицу нам, ингушам, и все эти разговоры о рабах и о князе... У нас не должно быть ни тех, ни других, мы все равны". „Правда, правда твоя, Тимбот",— горячо со всех сторон закричали галгаи... „Не надо нам князя, не надо нам и рабов... Мы должны быть все свободны, все равны, все уэдени!" И отпустили они на свободу всех рабов и впредь уже никогда не заговаривали о князе.

Вот, что говорят старинные ингушские предания о том, почему у них никогда не было князя.

Что касается действительной их истории, то она такова. Лет более 200 тому назад они подпали под власть кабар-

динцев и сделались их данниками. Кабардинцы даже проникли к ним в горы, в Джараховское ущелье, укрепились там и крепко держали их в своем кулаке. Очевидно, эта опека для ингушей была очень тяжела, так что лет 150 тому назад они подали одному русскому генералу пространную просьбу, в которой просили освободить их от кабардинского гнета и принять в русское подданство... Этой помощи русские не могли тогда оказать, да и не хотели ссориться с богатыми и знатными кабардинскими князьями из-за каких-то слабых и бедных (экономически) ингушей, так как в то время русские были и сами не достаточно сильны на Кавказе; только лет 30 спустя (в начале XIX века) ингуши при поддержке русских вытеснили кабардинцев из горных проходов, которые они закрывали, и выселились на равнину. Здесь они поселились вокруг крепости Назрань отдельными родами, которые теперь превратились в большие аулы, нося название их основателей: Плиев, Альтиев, Икажев и др. Во время длительной войны русских с чеченцами и черкесами, ингуши считались мирными и помогали живой силой русскому войску и русскому правительству. После покорения Кавказа горные ингуши, отрезанные от плоскости русскими поселениями, долгое время переживали острую земельную нужду и порывались на равнину, однако, сдерживаемые правительством, переселялись на плоскость осторожно и малыми частями. В период революции это выселение приняло массовый характер, и они спустились с гор, теперь уже при поддержке Советского правительства заняли целый ряд казачьих станиц, земли которых, как, например, Ангушт (бывшая ст. Тарская) и др., раньше принадлежали ингушам, — и выселили казаков, предложив им расселиться по другим русским селам и станицам. Такова в общих чертах недлинная, но любопытная история этого маленького народца.

7. Чеченцы.

На восток от ингушей в пределах г. Грозного и на юг от него по рекам Аргуни и Фантанге живет другое более многочисленное чеченское племя, собственно чеченцы. Такое название это племя получило от старинного, ныне не существующего, аула Чачен, известного у киалярских армян

своими набегами и разбоями; по имени названного аула и все другие горцы этого племени стали называться у армян, а за ними и у русских также чеченцами. Но сами чеченцы не любят этого имени и не называют им себя, может быть, потому, что на языке тех же армян оно означало в одно и то же время — вор и разбойник. Так же, как и ингуши, чеченцы зовут себя „нохчий", что значит — народ, но еще охотнее они себя называют именем тех аулов или обществ, откуда происходят; так жители аула Шато — шатоевцы, Аух — ауховцы и т. д. И о происхождении первого и о происхождении вторых названий среди восточных чеченцев варьирует несколько сказаний, не всегда согласных одно с другим. Приведу два из них, наиболее известные у восточных нохчэ.

Легенда первая.

Богатырь Нохчэ и его двенадцать сыновей.

Много лет тому назад в горах кавказских недалеко от нынешнего Веденя жил богатырь Нохчэ, и было у него двенадцать сыновей, таких же крепких и сильных, как и он сам. Когда богатырь дожил до глубокой старости, он увидел вокруг себя такое многолюдное потомство из сыновей, внуков и правнуков, что, во избежание на будущее время распрей между ними, он дал своим сыновьям совет расселиться по горам и не ближе, как на день пути один от другого. Отпуская их на новые места, он завещал не спускаться с гор и беречь свои леса, потому что и те и другие для них оборона и защита от неприятеля. Братья расселились, и каждый из них место своего поселения назвал своим именем. От имен двенадцати братьев, говорит предание, в горах Чечни образовалось двенадцать обществ. Каждое общество носило имя своего родоначальника, одного из сыновей Нохчэ. Названия обществ следующие: Ичкери, Аух, Чабирли, Шубухи, Шато, Даумсо, Кисти, Цори, Галаш, Галгай, Джерах, Ангушт. Сыновья жили на новых местах долго и счастливо, а когда они умерли, то потомки их образовали целый народ, который по имени своего родоначальника называется Нохчий. Но это имя все больше и больше забывается и названные горцы, как я уже сказал, охотнее называют себя именем общества, из которого происходит.

Легенда вторая.

Сеид[1] Али-Шами Нахичеванский.

Очень и очень давно жил когда-то в Нахичевани (Закавказской) один выходец из Шами,[2] по имени Сеид Али-Шами. После смерти старика его три сына не захотели оставаться в Нахичевани и в поисках лучших земель для своих стад двинулись на запад. Один из братьев, по имени Абдул-хан, отделился от своих родичей и после долгих скитаний, вместе со своими стадами и домочадцами, прибыл на берега реки Аргунь (Аргунь — приток Сунжи, а Сунжа приток Терека с правой стороны). Здесь, по преданию, и остановились внуки и правнуки Али-Шами из Нахичевани. Край этот был тогда безлюдный, тучный, плодородный, и пришельцы быстро размножались и заняли лесные ущелья и нагорные места. Прибыв в новый край последователями Магомета, они, однако, заброшенные и оторванные от остального мусульманского мира, скоро забыли свою религию и вернулись к первобытному язычеству. О пришельцах долго никто из соседей не знал и нохчий, никем не тревожимые, счастливо и безмятежно жили на новых местах, занимаясь земледелием, а главным образом скотоводством.

Таково это второе сказание о происхождении чеченского народа. Сказочного или неправдоподобного здесь нет ничего, и в вопросе о происхождении можно думать, что обе эти легенды имеют равное место, так как вполне допустимо и естественно, что чеченцы, как и многие другие кавказские племена, образовались путем смешения туземцев с какими-то пришельцами с далекого востока.

Однако, оставаться всегда в лесных трущобах было невозможно. Со временем чеченцы настолько размножились, что уже не могли помещаться в ущельях и волей-неволей должны были со своими стадами спуститься на плоскость.

Но степи уже давно и прочно были заняты ногайцами, кумыками и кабардинцами, которые, будучи сами скотоводами, не только не хотели делиться тем, что они считали

---

[1] Сеид — по-арабски значит князь.

[2] Шами — жаркая страна на восток от Средиземного моря — Сирия

своим, но и гнали чеченцев прочь, а когда увидели их невоинственность, то и грабили их. Так продолжалось довольно продолжительное время, пока, наконец, чеченцы, усвоив от своих же врагов военную хитрость и тактику, сами стали громить своих недругов, и скоро имя их сделалось грозным для насельников Восточного Кавказа.

Вместе с бытовой и политической переменой у чеченцев происходит и перемена в области религии. Из язычников и людей безразличных к вопросам веры они в XVII столетии превращаются в мусульман и делаются горячими последователями учения Магомета. Их учителем и миссионером в новой религии был мулла Шейх-Берслал из Дагестана. Как все неофиты (новообращенные) чеченцы особенно увлекались новым учением и сделались совершенно нетерпимыми ко всем инако верующим. Эту религиозную перемену особенно скоро и остро почувствовали казаки (терские) и русские власти; в них чеченцы видели не только своих политических врагов, но и неверных гяуров, война с которыми являлась делом похвальным. Пылкие, горячие и увлекающиеся чеченцы с этих пор делаются на долгое время самым восприимчивым и горючим материалом для всех религиозно-политических агитаторов и проповедников. Последовательно мы их видим горячими приверженцами идей „тариката“ и „газавата“ — священной войны против неверных, сперва в рядах Шейх Мансура (в конце XVIII стол.), потом в XIX в. последователями Кази-муллы, Гамзат-бека, и, наконец, Шамиля, в рядах которого они ожесточенно борются против русских властей целых двадцать пять лет. Эта война была ответом на тактику русского правительства — (урезка земли под станицы и крепости) и в основе своей носила экономический характер, как и вся война с горцами Северного Кавказа, но, подогреваемая религиозным фанатизмом, она вылилась в особо тяжелые и затяжные для обоих воюющих сторон формы (взаимные набеги и разорения) и кончилась только в 1859 г. с пленением вождя и вдохновителя всего этого движения — Шамиля. Сильно урезанные и стесненные в земельных наделах, чеченцы вплоть до самой революции не могли примириться с новыми порядками и новыми жизненными условиями и наладить свое урезанное хозяйство; отсюда — бедность, материальная нужда и духов-

ная темнота и явная и тайная озлобленность против правительства и особенно против личных и исконных своих врагов, — терских казаков, в пользу которых были урезаны их земельные наделы.

В годы революции эта старая неприязнь на почве чисто-экономической подняла на ноги всю Чечню, и горцы, до невозможности скученные и стесненные на своих участках, как и ингуши, заняли у целого ряда станиц просторные казачьи земли и вынудили обитателей их выселиться в другие места и населенные пункты Северного Кавказа.

С установлением в центре и в крае Советского правительства чеченское племя в количестве 300.000 человек выявилось в особую автономную область с административным центром в гор. Грозном и ныне быстрыми шагами идет вперед по укреплению своего народного хозяйства и по пути просвещения, изучает и обследует свой край, строит и заводит школы с обучением на родном языке, печатает газету и популярные брошюры, прокладывает дороги и всячески стремится поровняться с другими более просвещенными народностями Республики.

8. Хевсуры.

На юг от ингушей, по обе стороны главного Кавказского хребта, живет маленький горский народец — хевсуры, численностью не более 7 — 8 тысяч человек. Его средоточие: на север — верховья р. Ассы и на юг — верховье р. Арагвы хевсурской с притоками. Площадь, занимаемая этим племенем, даже включая сюда вечные снега и бесплодные скалы, едва ли превысит участок в 40 — 50 *км* в длину и 30—40 в ширину. Племя делится на пять обществ или приходов, из которых два — Шатильон и Пирикительское находятся на северном склоне хребта, а три — Арабаули, Чинчараули и Архотиони — на южном. Их соседями являются на север — ингуши по среднему и нижнему течению Ассы, на восток — тушины и на юг — пшавы, на запад к Военно-Грузинской дороге — мтиулетцы (горные грузины). Само название хевсур или „хевур“ происходит от грузинского слова „хеви“ — ущелье и „ур“ „ури“ — частичка, озна-

чающая принадлежность, а вместе взятое знаменует — житель ущелья.

Отгороженные от внешнего мира высокими, трудно-проходимыми хребтами и часто враждебными им соседями, хевсуры и для русского правительства, и для русской исторической науки оставались народом наименее известным и исследованным. И о происхождении хевсуров, так же, как и об их истории, долгое время существовали самые баснословные представления. Одни говорили, что их язык не похож ни на один из известных науке кавказских языков, другие, основываясь на их страсти к древним доспехам, оружию и крестам, которыми они расшивают свои платья, утверждали, что они потомки крестоносцев, когда-то случайно забредших в кавказские горы и навсегда оставшихся здесь... Ныне, после целого ряда обстоятельных и добросовестных трудов и русских, и грузинских исследователей, мы имеем, если не о всех сторонах сущности и жизни этого племени, то хоть о некоторых совершенно правильное и точное представление.

Во-первых — его племенное происхождение и язык. Теперь определенно установлено, что хевсуры — племя родственное грузинам, и язык их является одним из наречий грузинского или карталинского языка. Но в силу своей оторванности и замкнутости в языке хевсуров сохранилось немало архаизмов (пережитков), которые роднят их язык с древним книжным грузинским языком. Однако, предания, отдельные слова и другие факты свидетельствуют, что в образовании этого народца и его языка принимали участие не одни грузины, но и другие народности. Так, в северной Хевсуретии и отчасти в южной (общество Архотиони), где по рассказам аборигенов (старинные насельники) с давних времен находили приют и гостеприимство беглецы от всех окружающих племен, до самого последнего времени на ряду с хевсурским употреблялось наречие и чеченское. Про жителей селения Бисо говорят, что они — потомки одного еврея, который поселился в здешних горах еще во времена царицы Тамары и, судя по некоторым бытовым явлениям хевсуров (празднование субботы, взгляд на женщину как на нечистое существо и т. п.) это предание можно считать вполне правдоподобным. Празднование на ряду с воскре-

Рис. 5. Группа хевсурок.

сеньем и субботой еще и пятницы свидетельствует, что в прошлом здесь безусловно было сильно влияние и мусульманства.

Несравненно меньше известно историческое прошлое хевсуров, — именно, когда появились в этих местах первые поселенцы, что вынудило их покинуть прекрасные долины Кахетии и основать свои поселения в сырых и холодных ущельях и какие перемены пережило это племя — все эти вопросы, как были, так и остаются неразрешенными. Вероятнее всего, что первыми поселенцами в здешних местах были беглецы с равнины, искавшие убежища от турецких и персидских погромов. А когда невольные переселенцы окрепли на новых местах, то грузинское правительство стало привлекать их на службу для охраны своих границ, на подобие того, как старое русское правительство поступало с казаками — донскими, терскими и другими. Да и сами хевсуры давно, уже мыслят себя неразрывно подданными грузинского царя, это можно видеть из их письма московскому царю Алексею Михайловичу, в котором они просят, за одно с царем Теймуразом грузинским, принять под свое покровительство и их, хевсуров... До прихода русских, хевсуры управлялись полномочными грузинскими моуравами (наместниками), которые после водворения в крае русской власти, стали называться приставами. Характерная особенность этого маленького народца — это его необычайная архаичность (архаизм — отсталость, глубокая простота в чем-либо) и патриархальность, приверженность старине, которыми он заметно отличается от окружающих его соседей. Патриархальность и простота вообще свойственны кавказским горцам, но хевсуры даже и среди них выделяются этими качествами. Но об этом я еще скажу впереди, в отделе „Материальная и духовная культура горцев".

9. Осетины.

Рядом с ингушами, по преимуществу на левом берегу Терека, живут осетины. В сравнении с первыми это более крупное племя, численностью примерно тысяч 160, а вместе с южными, которые живут за перевалом, в Грузии, — около 260 тысяч. Богато-одаренный, красивый, стойкий и энер-

гичный народ, он в культурном и экономическом отношениях далеко опередил своих более инертных и менее удачливых соседей и ныне может бодро и с надеждой смотреть на свое будущее — оно у него обеспечено. Русские и зарубежные ученые, которые давно изучают этот народ, пришли к заключению, что по своему происхождению и языку он и родствен иранским племенам, персам и курдам, а, зна-

Рис. 6. Группа осетин из Куртатинского ущелья.

чит, через них находится в родстве и со славянами, немцами и французами. Очень давно, еще до нашей эры, они с предкавказских степей и равнин проникли в горы под именем „алан" и, победив и смешавшись с туземцами, стали больше известны своим соседям под именем осетин. Но этот сравнительно небольшой народ внутри себя не составляет одного целого, а делится на три подгруппы или колена. Из них самое многочисленное живет по ущельям — Алагирскому, Куртатинскому и Тагаурскому и по равнине, лежащей перед этими ущельями. Эта группа сама себя называет „ирон", осетины, живущие по Урухскому ущелью, известны под именем дигорцев, южные называются туаль-

цами. Разница в языке между иронцами и дигорцами примерно такая, как между великороссами и малороссами; туальцы по языку более близки иронцам. Древние аланы или оссы (предки осетин), как и их соседи ингуши, тоже не имели своей письменности, и первые, начальные шаги их истории мы узнаем от их более культурных соседей грузин, рядом с которыми осетины жили целые века.

Историки Грузии сообщают, что грузины и древние оссы с незапамятных времен находились между собою в постоянных—то мирных, дружеских, то военных, враждебных отношениях, что в IV в. нашей эры почти одновременно с грузинами принимают христианство и южные осетины, откуда оно постепенно проникает и к северным. Проникновение христианства в северную Осетию шло главным образом через высшее сословие — осетинских князей и их дружину — дворян. Они роднились с грузинами-христианами путем браков; в угоду своим более сильным и образованным родичам воспитывали своих детей христианами и не препятствовали грузинским миссионерам проповедовать новую религию и среди низшего народа.

Начиная с X в. нашей эры, грузинское влияние в Осетии становится особенно заметным. К этому времени браки между осетинской и грузинской знатью сделались совсем обычным явлением. Вместе с грузинскими невестами в Осетию двигалась и их свита, разные дворяне и служки, которым дома терять было нечего, а здесь, на новой родине, они делались заметными людьми, охраняя княгиню, получая за свою службу земли и другие милости. Здесь они и устраивались по своему усмотрению; возводили на выгодных местах башни и крепости и, обжившись и укрепившись, вооруженные до зубов, начинали командовать над округом и его прежним населением и эксплуатировать его, брали с жителей плату за все: за лес, за водопой, за брод, за прогон скота по ущелью и т. д.

Во второй половине XII ст. главный князь Осетии Давид Сослан женился на грузинской правительнице царице Тамаре и поселился в Грузии, и Осетия путем этого брака совершенно объединилась с грузинским государством. Судя по грузинским летописям, царица Тамара в этом браке первенствовала, как политически более могущественная, — по-

как благоразумная правительница, она не отделяла выгод своих северных подданных от интересов южных (Грузии) и в своих же интересах заботилась о них равномерно: прокладывала дороги, строила мосты и крепости, насаждала христианство; однако, выгоды от всего этого получали главным образом помещики, тяжесть же по постройке всех этих сооружений падала, конечно, на трудящихся. Рабочий народ — пастухи и землеробы — ненавидели своих притеснителей, князей и алдаров (знать), но что могли поделать они, разрозненные и безоружные, против, хотя и малочисленной, но сплоченной группы насильников и эксплуататоров! Как известно из тех же грузинских летописей, этот наружный блеск соединенного государства продолжался не долго, и после смерти царицы Тамары Грузия быстро стала клониться к упадку. Монгольское нашествие в первой половине XIII в. уничтожило военную силу Грузии и обезлюдило ее. Правителям страны было теперь не до окраин с чуждым населением: у себя дома работы было много. Таким затруднительным положением воспользовался один мужественный осетинский вождь по имени Оси Багатар, живший (как некоторые думают) в конце XIII и начале XIV в., и, сплотив вокруг себя недовольных, при поддержке татар, которых он призвал на помощь, он выгнал грузин-помещиков из их насиженных гнезд и освободил край от чужеземных паразитов-эксплуататоров; не удалось только выгнать их из Южной Осетии, которая и осталась в управлении князей Мочабели и Эристовых вплоть до прихода туда русских. Край был освобожден от угнетателей, но это стоило победителям больших жертв и людьми и имуществом и Осетия лежала, как бы парализованная.

А между тем события шли своим чередом. Страшная Монгольская Орда, которая когда то разгромила Русь и держала долгие годы в железных тисках Грузию и народы Предкавказья, теперь ослабела и рушилась; племена Северного Кавказа освободились от ее власти и зажили независимо. Одним из первых таких народов были кабардинцы — восточное племя большого в то время адыгейского или черкесского народа. Они быстро оправились после татарского гнета и, предводительствуемые своими воинственными и энергичными князьями, стали подвигаться

со своими стадами от верховьев р. Кубани на восток и вытеснять с привольных степей остатки Золотой Орды — балкарцев, кумыков, караногайцев и др. Подвигаясь по равнине вдоль гор, они столкнулись также и с осетинами и их стадами, сбили и этих с их пастбищ и загнали с привольных степей в холодные, сырые ущелья. Не довольствуясь этой первой удачей, князья кабардинские проникли к осетинам в горы — Дигорское, Куртатинское и Тугаурское ущелья — и наложили на тамошних обитателей постоянную дань; разрозненные, всегда враждебные друг другу, осетины не объединились во-время и были побеждены по частям.

Для Осетии настали времена еще более тяжелые, чем во времена грузинского засилья. Стиснутые со всех сторон врагами (с юга грузинами и с севера кабардинцами), они не могли без ведома и разрешения своих господ ни выйти на равнину за хлебом и солью, ни выгнать свои стада во время бескормицы. От постоянного недоедания и связанных с ним эпидемий когда-то сильный и многочисленный осетинский народ начинает вымирать медленно, но безостановочно. К приходу русских от северных осетин, которых за 500 лет перед этим насчитывалось не менее 300 000 человек, теперь осталось не более 30—40 000 человек).[1]

Русские, утвердившись в Среднем Кавказе, где главными их противниками были кабардинцы, предложили последним оставить их укрепленные гнезда в горах и выселиться на плоскость. Кабардинцы должны были покориться грозной необходимости и покинули горы. Вместе с их уходом, упала застава, загораживавшая осетинам выход на равнину. Несдерживаемые никакими запретами, они, как чрез открытую плотину, хлынули на плоскость, на свои давно покинутые займища, и быстро заселили пространство, лежащее перед их ущельями, образовав так называемую Плоскостную Осетию.

---

[1] Точных сведений о количестве населения Осетии в годы царицы Тамары и предшествующие ближайшие века у нас не имеется, но есть косвенные сведения, что, когда грузинский царь Георгий III попросил у своего родича, осетинского царя Дарчулеля военной помощи, тот в одну неделю собрал (по грузинским летописям) 40 000 отборных воинов и послал их своему грузинскому родичу.

В новых политических условиях осетины стали быстро оправляться и крепнуть экономически и не менее быстро размножаться.[1] Считаясь христианами (хотя только по имени) они не так чуждались русских с их обычаями и культурой и, присматриваясь к ним, усвоили от них много полезного и разумного (жилища, экипажи), но главное — это школьное ученье и науку; благодаря природным дарованиям и своей сметливости, они быстро опередили своих более косных соседей, а в том числе и своих прежних опекунов — кабардинцев. Основанная в селении Ардон миссионерская духовная семинария, предназначенная для подготовки осетинской молодежи к церковно-служительской профессии (священник, диакон и пр.), не оправдала синодских ожиданий Любознательные и способные питомцы названной школы после окончания курса обычно мало чувствовали призвания к деятельности этого рода и ехали продолжать ученье в университетские города, откуда возвращались юристами, докторами, учителями, инженерами, иначе говоря, людьми совершенно образованными и просвещенными. В короткий срок, в 30—40 лет, у осетин образовалась крепкая и преданная своему народу интеллигенция, которая в настоящее время усиленно работает над поднятием его экономического и морального уровня.

Но и сама масса осетинского народа, в общем еще малограмотная, а иногда и совсем безграмотная — очень энергична и предприимчива. Наиболее деятельные ее представители, движимые нуждой и безработицей, бросают родные очаги и едут на заработки в глубь России, на Дальний Восток, в Америку и даже в Австралию. Там они остаются случается, целые годы, терпят всякую нужду, не пренебрегают никакими работами, но зато возвращаются домой с достатком, заработанным трудовыми мозолями и потом, и с расширенным кругозором. Начинается энергичная перестройка своей жизни на новых, более разумных началах. Этим особенно отличаются жители сел. Ново-Христиановского, большого и богато обстроенного дигорского поселения, по своему внешнему виду напоминающего скорее город, нежели туземный аул, а 50 лет назад представля-

---

[1] Об освобождении крепостных у осетин см. на странице 33.

вшего из собою небольшую кучку серых, жалких мазанок. С объявлением по всему Союзу Республик уравнительного земельного начала, горцы-осетины толпами бросают свои горные каменные аулы и спешат расселиться на плоскости, на землях, принадлежавших раньше казачьим станицам и хуторам, а ныне, на основании декрета об уравнительном начале, переданных осетинам. После распадения Терской области, Осетия вместе с Ингушетией и частью Сунженского казачьего округа образовала так называемую Горскую Республику с г. Владикавказом во главе. Просуществовав 2 года, эта Республика летом 1924 г. распалась на отдельные политические единицы: Автономная Осетия, Автономная Ингушетия, Автономный Сунженский округ и Вольный Автономный город Владикавказ.

10. Кабардинцы.

На запад и север от нынешних осетинских поселений расположены займища Кабардинцев (см. рис. 7. Семья кабардинца). Кабардинцы — одно из колен когда-то многолюдного и властного на Кавказе народа черкесского или Адыге, как они сами себя называют. С незапамятных времен это племя обитало в углу между Черным и Азовским морями и было известно у древних греков, которые жили рядом с ними на берегу Черного моря, под именем керкетов и зюхов. Также давно под именем косогов знали черкесов и русские летописи. Оттуда мы узнали, что лет 1000 тому назад киевский князь Святослав в поисках добычи и славы проник со своей дружиной в нынешнюю Кубанскую область (Таманский полуостров) и, покорив косогов,[1] (очевидно, одно из черкесских племен), основал там княжество Тмутараканское, которое и существовало около 200 лет. Будучи отрезано ордами кочевников от остальной Руси, оно безвестно и бесследно исчезало в 1-й половине XII века во время смут и неурядиц в Удельно-Киевской Руси. Но, избавившись от северных пришельцев, адыге не долго пользовались свободой и независимостью и в скором времени подпали под власть и иго еще более тяжелое — монгольское, каковое они и несли

[1] Осетины и сейчас называют кабардинцев косогами.

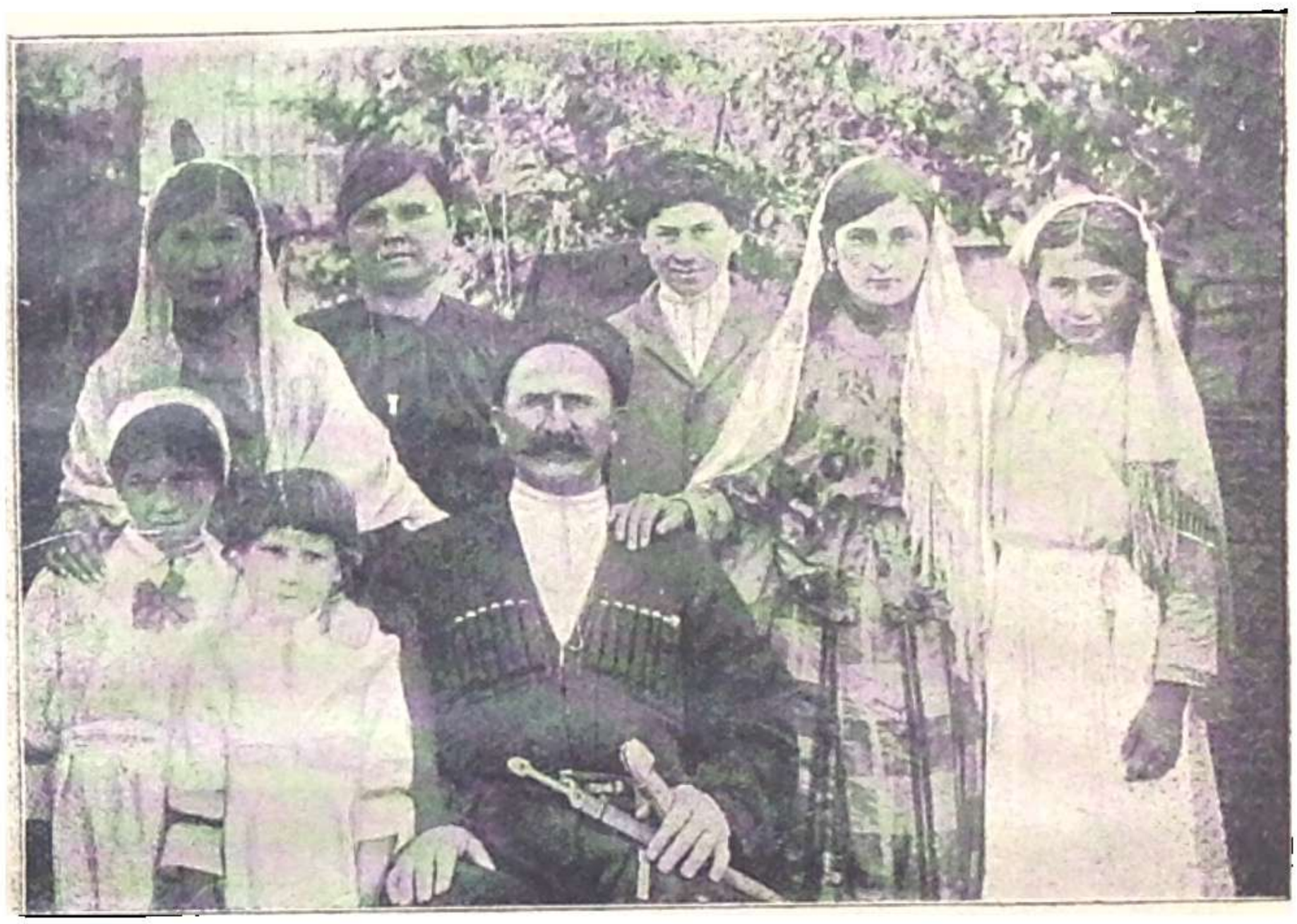

Рис. 7. Семья кабардинца.

вместе с другими кавказскими народностями до начала XV века. С ослаблением, а потом и гибелью Золотой Орды, адыге быстро оправились и стали на ноги. Особенно это нужно сказать о восточной их ветви, кабардинцах. Это племя издавна считалось коневодами и скотоводами по преимуществу.

Не имея больше для себя конкурентов в виде золотоордынских мурз и ханов (которые и сами были скотоводами по преимуществу), кабардинцы беспрепятственно начали расширять свое хозяйство и умножать свои стада. Это требовало новых пастбищ, и кабардинцы, предводительствуемые своими воинственными князьями и дружиной, с боем начали подвигаться на восток вдоль Кавказских гор. Здесь на равнинах кочевали со своими стадами разрозненные остатки когда-то могучей Золотой Орды — разные татарские племена: карачай, балкарцы, ногаи, а также и осетины, ингуши и пр. Кабардинцы, пользуясь их разрозненностью, оттеснили их с пастбищ и вынудили их укрыться в горы, а чтобы обезопасить себя и на будущее время от внезапных нападений горцев, они проникли к ним в ущелья,

построили там сторожевые башни и, наложив на них дань, взяли их, таким образом, под постоянный надзор.

К концу XVI столетия кабардинцы были безраздельными хозяевами всей Северо-Кавказской равнины, начиная от Эльбруса и Пяти гор и почти до устья Терека у Каспийского моря. Однако, это безмятежное существование кабардинцев стало переживать тяжелые испытания. К первой половине XVI века на крайнем западе и востоке Северного Кавказа, в Крыму и у устья Терека выросли две сильные державы — Крымская Орда и Шамхальство Тарковское. Такие же кочевники и скотоводы, как и кабардинцы, они нуждались в пастбищах. К середине XVI века эти восточные деспотии особенно стали сильны и, совершенно естественно, настойчивее стали расширять свои владения-пастбища, посягая на то, что кабардинцы считали своим. Эти столкновения тем более были для кабардинцев, неудобны, что внутри их самих теперь не было прежнего мира и сплоченности. Когда-то одно цельное племя — оно, благодаря несогласиям князей-правителей, раскололось на две враждебные половины — на Большую и Малую Кабарду. Но и внутри отдельных частей не было мира и единения. Князья из-за тех же пастбищ и стад ссорились и дрались и беспрерывно воевали друг с другом и уорками (дворянами), а все вместе с народом и против народа. К тому же надо сказать, что, пользуясь своими богатством и властью, князья и дворяне выработали целый кодекс — неписанный свод правил и обычаев („адыге хабзе"), по которому каждый шаг, каждый поступок князя и дворянина строго учитывался и предписывался, возвеличивая их в глазах народа. Рождение сына, свадьба, похороны, приезд гостя, приветствия и прощание, все делалось по раз заведенному порядку, „адату" и никто под страхом вооружить против себя всех родных и знакомых не посмел бы нарушить заведенные обычаи. Личность князя, согласно этим порядкам, возводилась особенно высоко, наказания за его оскорбления и жизнь особенно ужасны. Эти застывшие и отжившие обычаи не всегда были приятны и самой знати, для землеробов же они часто были прямо невыносимы. Для примера я приведу один долго хранившийся в кабардинской среде обычай.

Вот князь едет куда-нибудь по своим делам. По адату, его непременно должен сопровождать старейший из уорков (дворян). Узнав о намерении князя, он бросает свои дела, седлает лошадь, вооружается и едет во двор к своему владетелю, захватив с собой и еще кого-либо из молодежи для разных услуг; кроме этого собираются еще несколько младших, смотря по возрасту и значению князя. Князь выехал со двора, самый старший из его свиты по левую сторону, — самый младший (как бы его ординарец, человек для поручений) по правую. Если дорога удобна и широка — едут шеренгой с соблюдением строгого чинопочитания, если неудобна — едут гуськом, парами или тройками, опять-таки с соблюдением возраста и положения. За аулом на встречу — пара конных. Они узнают князя, сворачивают с дороги, почтительно пропускают его, обменявшись коротеньким „эблага" (счастливого пути) и, присоединившись к свите, следуют за владельцем. Князь, занятый разговором с уорком, как бы не замечает приставших и продолжает путь. Вот новые встречные. Они также пропускают князя и затем следуют за ним. Попалась на пути арба с дровами, затем другая, они также свернули с дороги, также пропустили князя и повернули оглобли назад, за ним. Чем дальше подвигался владетель, тем больше увеличивалась его свита. Если князь был благоразумный, то он, не препятствуя встречным совершать установленный веками обычай, тем не менее никогда не злоупотреблял им и немедленно отпускал встречных во-свояси. Но немало было глупых и чванных правителей, которые злоупотребляли своим положением не в меру и, как, например, в данном случае, тащили за собой случайных встрочных чуть не на другой конец Кабарды.

Подобные обычаи, поборы и злоупотребления сильно озлобили население против своих князей и уорков. Начались волнения и бунты. Некоторые из князей были убиты, другие лишены княжеского звания, третьим грозила за их продерзости жестокая месть от их же подданных.

Вот при таком внутреннем несогласии, при этой острой классовой розни эксплуататоров и эксплуатируемых, над кабардинцами повисла еще и внешняя опасность. Конечно, они (вернее, сословие дворян и князей не могли отстоять себя и свое достояние только своими силами; простой же

народ, т.-е. их крепостные и рабы, были довольно равнодушны к тому, кто будет ими командовать — свои или чужие, и вот в этом положении князья и начали искать себе защитника и покровителя. Их выбор пал на Московского царя Ивана Грозного. Первая такая просьба черкесов-кабардинцев о подданстве произошла в 1552 г. Этот год и считается началом политической связи кабардинцев с русскими. Умный царь учел всю возможную в будущем от этого пользу и не отказал им в просьбе. Однако, за отдаленностью и за отсутствием средств, эта помощь приходила не всегда во-время и не всегда в нужном размере, почему кабардинцы, не теряя связей с далекой Москвой, всякими уступками и подарками старались расположить к себе крымских ханов и их беев. Они с готовностью отдавали им в жены своих дочерей и сестер, охотно женились сами на татарках и, конечно, в угоду своим более сильным и богатым родичам воспитывали своих детей в мусульманстве. Ханы по виду жаловали их, но в обеспечение их верности требовали подарков (главным образом молодых мальчиков и девочек) и заложников. Иногда черкесы и кабардинцы теряли терпение и подымали оружие против своих притеснителей. Но всегда за такой дерзостью целая орда крымцев двигалась к черкесам и кабардинцам, разоряла их аулы, забирала пленных (так как каждый пленный по понятиям того времени делался рабом, которого с выгодой можно было продать в Турцию или далее на восток) после чего черкесы и кабардинцы делались еще более уступчивыми.

Так продолжалось до 2-й половины XVIII века. К этому времени русское правительство покорило Крым, обуздало Шамхала и подвинулось к самому Кавказу. Желая стоять здесь прочной ногой, русские протянули от устья Терека к Азовскому морю целый ряд крепостей. Такая близость прежних покровителей теперь уже не нравилась кабардинцам, так как русские под крепости и под казачьи станицы занимали и кабардинские земли. Это неудовольствие осложнялось теперь еще и розницей религиозной,[1] начались

[1] Так как кабардинцы теперь были сплошь мусульмане и смотрели на русских как на гяуров.

обоюдные неудовольствия, споры, ссоры, а затем и кровавые столкновения. Кабардинцы, не желая отдавать земель, которые они считали своими, набегами и грабежами хотели выжить русских поселенцев с их займищ. Русские войска жестоко наказывали хищников, те мстили за наказание, и потянулась долгая 60-летняя война русских с кабардинцами. Эта война окончилась только при главнокомандующем Ермолове; он распорядился ввести войска вглубь Большой Кабарды и построил там целый ряд крепостей — Каменномостная, Чегем, Бексан, Нальчик и др., в которых и разместил значительные отряды для постоянного надзора за беспокойным элементом. Набеги прекратились. Малая Кабарда, далеко вклинившаяся от гор на восток и север, окруженная русскими поселениями, еще раньше примирилась с урезкой земель и мирно жила бок-о-бок со своими новыми соседями — русскими, осетинами и кумыками.

В 1867 г. в Кабарде (также и в Осетии) произошло освобождение крепостных, каковых в Кабарде набралось до 15.000 человек. Выходящие на волю, начиная от 15-летнего возраста до 45 лет, платили 200 руб., мальчики моложе и старики старше указанных лет ничего не платили. Девочка моложе 15 лет тоже ничего не платила, но, при ее выходе замуж, жених свой калым (выкуп) за невесту вручал не тестю, а ее бывшему помещику. Несостоятельный свой выкуп помещику уплачивал **работой**. Землероб, выходя на волю, делался полноправным участником аульной земли и мог возделывать ее для себя в таком количестве, в каком брали и сельчане, никогда не бывшие крепостными. [1] После освобождения крепостных, часть общественной, народной земли, примерно $^1/_4$, была отдана кабардинским уоркам (дворянам), а остальная земля была передана кабардинским землеробам. Несмотря на такую урезку у них земли, все же, после казаков, кабардинцы были самым многоземельным народом. Благодаря этому, на ряду с их исконным промыслом, скотоводством, у них широко стало развиваться и земледелие, и до самого последнего периода в эко-

[1] Почти на таких же условия были освобождены крепостные в Осетии, каковых там набралось не более 2000 человек; однако, вследствие расхищения и захвата хороших земель туземной знатью, в Осетии крепостные были отпущены на волю без земли.

номическом отношении кабардинцы стояли выше всех туземцев Северного Кавказа, и его зажиточный буржуазный слой долго не мог примириться с существованием Советской коммунистической власти. Кабардинцы — по вероисповеданию мусульмане, вследствие чего к русской школе и русской культуре относились и относятся с большим недоверием и посещали и сейчас посещают школу с меньшей охотой, почему во многом отстали от своих бывших вассалов-осетин.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.

11. Горский аул и горские жилища.

Если вы впервые подъезжаете к незначительному горскому аулу, то вы затрудняетесь определить — кем он населен: осетинами, ингушами или хевсурами, или какой-

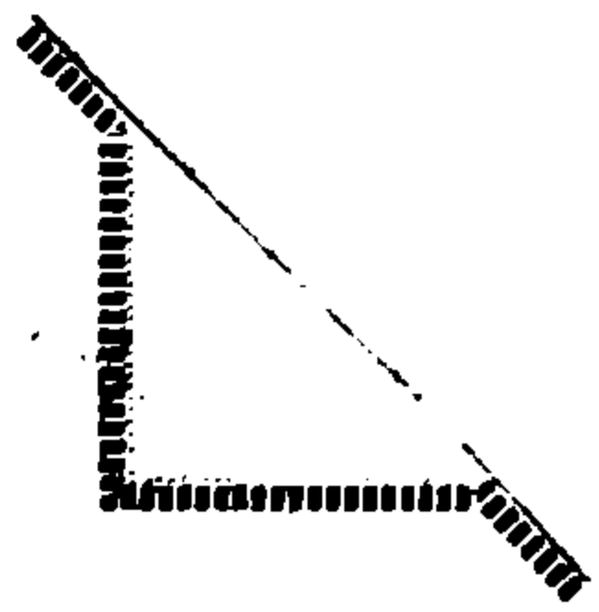

Рис. 8. Типичный горский аул.

нибудь другой народностью. Те же черные или серые каменные силуэты, те же плоские крыши, то же обычное расположение улиц одна ниже другой, террасами (см. рис. 8). Все они в большинстве случаев расположены на самых неудобных, покатых (а часто неприступных) участках земли. Тут двойная цель — стратегическая и экономическая.

С одной стороны выбрать наилучшую (в смысле обороны) позицию для своего поселка, а с другой — сберечь места наиболее пологие и удобные под покос и пашню. Обычное расположение улиц в горских аулах — одна ниже другой, иногда прямо террасообразное. Это вызывается характером самой местности, и более удобного способа поселения, как ни бейся, не придумаешь; но тут и практические соображения. При таком расположении улиц, когда один ряд домов строится непосредственно ниже другого, плоские крыши построек нижнего соседа неминуемо делаются двором (вечно арендуемым) для верхнего соседа. Но зато нижний в свою очередь пользуется крышей соседа, расположенного еще ниже и т. д. Боевая башня, если она еще сохранилась, до некоторой степени является (и то не всегда) признаком, по которому можно определить национальность аула. Башня эта, высокая, многоэтажная с четырехскатной ступенчатой крышей — у ингуша и чеченца. Двухъэтажная с плоской крышей, защищенной парапетом, — у осетина. Но эта же башня, так называемая „гала“, (небоевая) встречается и у ингушей.

Благодаря указанному характеру местности, крутизне и покатости, каждый горец, прежде чем приступить к постройке жилья, должен приготовить для него удобную площадь земли. А это дело нелегкое; надо вырыть в откосе огромную ступень с отвесной стеной, примерно аршин в 3 вышины, 7 — 8 ширины и, смотря по надобности и силам хозяина, соответствующей длины. Построенная в таком гнезде сакля своей задней стеной будет упираться в окопанный отвес, своими боками, если нет соседей, в окопанный откос, и только фасад обычно с навесом, будет выходить лицом на ущелье. При таком устройстве усадьбы, скотный двор горца, его конюшня и другие службы непосредственно примыкают к его сакле, составляя с ней вместе причудливый, но и очень удобный хозяйственный лабиринт, где все близко, все на виду и на слуху.

Разрез гнезда для сакли в уклоне горы.

Кладка стен сакли, если не па извести, то на очень липком составе глины, смешанном с цементом конгломерат

очень распространенной горной породой по склонам Северного Кавказа и Закавказья. Высота стен до 2 – 2½ метров в вышину и до 3 — 4 фут. в толщину. Когда стены готовы, настилается крыша, что происходит следующим образом. Внутри сакли ставят в три ряда девять толстых столбов-устоев иногда с занятными вырезными капителями (см. рис. 9).

Рис. 9. Опорный столб в осетинском хадзаре (дедовская сакля), увенчанный деревянной резной капителью.

Три от угла вдоль стен и три посередине. На них кладутся толстые же (но тоньше, чем устои), крепкие балки; поперек их настилаются почти одна к другой балки потоньше; они закрываются хворостом и соломой, а затем, засыпаются глиной; выбирают для этого наиболее непроницаемые породы; глина отлично утрамбовывается и вся поверхность крыши делается с небольшим скатом, чтобы вода на ней не застаивалась. В старинных саклях еще до сего времени

можно увидать вдоль стен или в стенах широкие завалинки — это примитивные кровати, которые постепенно выводятся из употребления, как и самый тип построек... У хевсуров эти кровати приготовляются из хвороста, на подобие яслей, только наполненные соломой; они много удобнее, теплее и гигиеничнее, почему и сохранились до самого последнего времени. У главного среднего столба (или недалеко от него) имеется небольшой каменный помост; это место для очага; над ним всегда висит надочажная цепь (обычно с котлом) — домашняя святыня каждой горской семьи. Дым выходит в небольшое отверстие над очагом — дымоход (у хевсуров и мтиульцев он делается в стене под самой крышей). Небольшая дверь, аршина в 2 вышины, и названный дымоход в старинной сакле являлись единственными глазницами, через которые проникал туда свет, почему в сакле горца всегда царил полумрак. От вечного очажного дыма и копоти стены сакли, особенно старой, всегда покрыты толстым блестящим слоем сажи, почему внутренний вид сакли еще более мрачен и неуютен и на свежего посетителя производит впечатление гнетущее и тягостное.

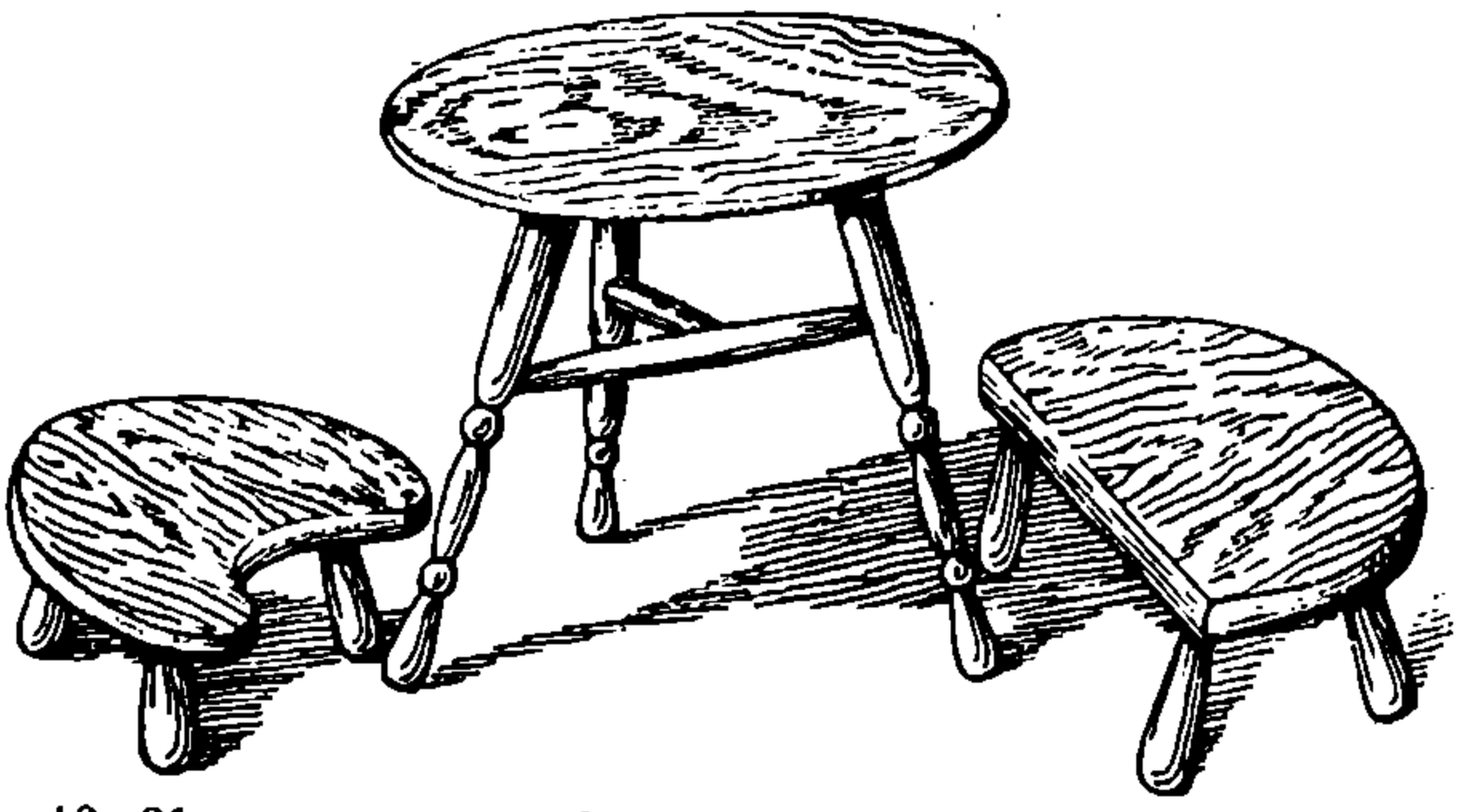

Рис. 10. Обычная горская мебель — круглый треногий столик и трехногие же скамеечки к нему.

Также убога и незатейлива и мебель кавказского горца — круглый треногий невысокий столик (см. рис. 10), низенькая треногая же скамеечка, изредка подобие дивана

с резною спинкой, еще реже кресло; у хевсуров я видел резные шкафики для посуды; у горских осетин и ингушей она по большей части раскладывается на полках вдоль стен, являясь предметом гордости домовитых хозяек.

12. Одежда горца.

Не легче, чем аул, определить и национальность горца по его внешнему виду, и особенно по его платью. Здесь они своими длинными черкесками, бурками и папахами производят впечатление (особенно на приезжих русских) такой однообразности и однотонности, что наши переселенцы давно уже дали кавказским обитателям общее название татар или черкесов.

Мужской костюм горца очень прост и в то же время живописен. Он состоит из простой, перехваченной у пояса рубахи (бешмет) с прямым (как у малороссов) разрезом и высоким (неотложным) воротником. Разрез застегивается частыми шнурочными пуговицами-узелками на такие же шнурочные петли. Широкие, как у малоросса, шаровары (только хевсуры носят узкие, почти в обтяжку), схваченные на поясе крепким шнурком, спускаются до самых ног. На ногах или кожаные сыромятные лапти (чувяки) — у бедняков, или кожаные юфтовые поговицы (у зажиточных), сверх которых надеваются чувяки, тоже кожаные юфтовые, но только более грубые. На голове баранья папаха различных покроев, то высокая, на подобие клобука, то низкая „кубанка", то мягкая, с мохнатым нависшим мехом. Бешмет для горца — это его нижняя рубаха, в которой он спит и может оставаться в сакле и на дворе в теплую погоду. При выходе из дому или встречая гостей, горец одевает суконную черкеску, длинный с перехватом у пояса и раструбом книзу кафтан, который опоясывает тонким поясом с неразлучным кинжалом. На груди черкески, по обеим сторонам ее в особых нашивных гнездах покоятся газыри по 8 — 9 штук, длинные полые патроны для пороха с красивыми костяными или серебряными завертками; гнезда иногда еще и расшиты позументом, а завертки соединены изящными металлическими цепочками. Теперь эти газыри служат только для украшения, а заряды пороха и пуль для своей вин-

говки горец носит в патронташе, в котором иногда таскает в случае опасности по 100 и больше патронов. Отправляясь в дорогу, горец одевает бурку; очень редко, в большие морозы, поддевает под нее полушубок.

Рис. 11. Семья хевсура на пороге своей сакли.

Несколько иной вид имеет костюм горца-хевсура. Его бешмет в отличие от его соседей-ингушей и чеченцев еще более прост и еще более живописен. Во-первых, он весь суконный домотканный, так как хевсур и до сего времени не привык пользоваться нашими бумажными ситцами и по-

лотнами, находя их слишком нежными и непрочными в его суровой рабочей обстановке. Его рубаха бешмет (см. рис. 5) из домашнего крашеного черного сукна тоже с небольшим перехватом, как и бешмет ингуша и черкеса, но разрез

Рис. 12. Хевсурка в рабочем платье своего производства.

у нее, как у русской рубахи, направо; ворот, как мы его понимаем, высокий, как у черкеса, или лежачий, как у малоросса, отсутствует, и бешмет производит впечатление недоконченного, но зато грудь его расшивается бисером и мелкими белыми пуговицами; так же расшиваются и рукава,

плечи, подол и лопатки на черкеске; все это покрывается цветными, преимущественно темных тонов (зеленый, голубой, бордо) вышивками-орнаментами, при чем любимой фигурой в их орнаменте является крест, почему на Кавказе

Рис. 13. Девушка-кабардинка в богатом праздничном платье.

и создалась легенда о хевсурах, будто они потомки крестоносцев, легенда ни на чем не основанная, так как и языки и предания самих хевсуров тесно связывают их с грузинами-кахстинцами и, наоборот, ничего не говорят о знаменитых религиозных походах и франках. Черкеска хевсура

того же покроя, как и у остальных горцев, только гнезда их газырей (особенно у щеголей) расшиваются с особым вкусом и тщательностью (см. рис. 11). Кинжал для хевсура такая же принадлежность, как и для ингуша. Отправляясь в другой аул, он к этому прибавляет еще и шашку, а на руку вешает небольшой железный щит. При встрече с врагом противники не стреляют один в другого (что считается позором), а становятся лицом к лицу, как средневековые рыцари, и начинается единоборство, по всем правилам рыцарского искусства.

Рабочий костюм женщины-горянки так же прост и незатейлив; он состоит из длинной до пят рубахи и шаровар, которые иногда у хевсурок спускаются ниже рубахи-платья (см. рис. 12); поверх рубахи полубешмет - получеркеска, надеваемая в ненастную погоду. Голова женщины всегда покрыта платком—у осетинок и ингушек, у хевсурок вместо платка подобие кокошника, тоже расшитого красивой мелкой вышивкой. Праздничный костюм горянки, особенно из богатой семьи, очень красив и живописен. Поверх рубахи одевается дорогой бархатный бешмет с красиво расшитой грудью, поверх него — длинное тоже цветного бархата платье на подобие черкески, часто расшитое золотыми позументами; на голове плюшевая шапочка, покрытая позументом и цветными каменьями (см. рис. 13), на ногах легкие чувяки; бедные ходят босиком.

13. Пища и питье.

В пище кавказский горец умерен и неприхотлив. Основой его питания в настоящее время являются хлеб и сыр. Этот хлеб различный по качеству,—то пшеничный, то ячменный, кукурузный, — однако, всеми горцами приготовляется по одному рецепту — на холодной воде и без дрожжей в виде плотных, круто замешанных пресных лепешек (общераспространенное название для него у осетин — „кырджын", у ингушей — „мяк" и „сыскыл"), выпекаемых или прямо в золе очага, или в закрытой сковороде. Раньше ячменный чурек являлся господствующим. Ныне с улучшением путей сообщения (горных дорог), распространением на плоскости пшеницы и кукурузы, ячмень начинает уступать место

этим последним, которые горец приобретает путем обмена на продукты своего хозяйства, — баранов, коров, сыр и масло. Он сохранился еще как пища в горных трущобах под ледниками у иронцев, у дигорцев и у хевсуров, но засевается ячмень повсеместно в горах, как незаменимый продукт для пива, в приготовлении которого горцы (особенно осетины) считаются исключительными мастерами. К этому хлебу горец прибавляет кусочек овечьего сыра, и завтрак налицо. Этот же сыр, накрошенный небольшими кусочками в растопленное горячее масло, считается любимым блюдом, хотя и не всегда доступным. Осетины свежий сыр, творог запекают в тесте, в пшеничных пышках; получается довольно вкусное блюдо, особенно, если хорошо пропечено и из хорошей пшеничной муки. У кабардинцев долгое время наш хлеб заменяло желтое пшено, каша „паста“ (измельченное пшено), почему у них до сего времени сохранилось приветствие „соль и паста“. Мясо для небогатого горца всегда являлось лакомством, чем он и балует себя только по праздникам или при приезде гостей. Мясо горец ест и в вареном и в жареном виде; в жареном виде он больше всего приготовляет известный по всему Кавказу и за пределами его шашлык из молодого барашка. Быка и корову он варит, а жирный, густой отвар сливает в канаву и ест сухое мясо, посыпая его солью. Только последнее время, глядя на русских, горцы стали допускать и отвар; посолив и подправив чесноком, они подают его в небольших деревянных чашках после еды, в виде чая. Вот и все блюда; горец не беспокоится об их разнообразии, но очень думает, чтобы их было как можно больше. Помимо молока, какового взрослый горец почти не употребляет, за столом у горца всегда можно увидеть те или иные напитки. Такими любимыми напитками являются „буза“ у кабардинцев, приготовляемая ими из проса. Пиво из солодового горного ячменя — любимый напиток всякого горца, далее, арака — водка самогонка, изготовляемая горцами на всем пространстве от Каспийского моря до Черного и, наконец, брага, в роде нашего мучного кваса.

14. Земледелие.

Еще совсем недавно, каких-нибудь 40 — 50 лет назад, земледелие для кавказского горца было только подсобным

промыслом к его основному занятию — скотоводству в широком смысле слова (овцеводство, скотоводство, коневодство). Теперь не то: скотоводство и в горах, и на плоскости с каждым годом падает, земледелие, наоборот, растет. Но в горах при постоянной тесноте и остром недостатке удобных земель, мало одного доброго желания быть землеробом, надо наперед еще и создать эту землю. И горец создает ее, как может и как умеет.

Выбрав подходящий клочок земли, с наименьшим уклоном, он тщательно очищает его от мелких и крупных камней и бережно складывает их по меже участка. Когда загон достаточно очищен, если наклон поля значителен, и участку грозят сверху завалы и оползни щебня и глины, рачительный и предусмотрительный хозяин возводит по верхней меже стену и завал из щебня и камней—преграду от оползней,—что является обычным явлением во время длительного ненастья и дождей. Когда защитная стена готова, надо удобрить, унавозить участок. Навоза и перегноя со своих загонов и базов на такой участок далеко хватает не всегда; в этом случае все способные к работе домочадцы берут кожаные мешки и со дна какого нибудь глубокого ущелья, на собственных спинах и спинах своих ослов, промучившись целые недели, таскают лёсс или чернозем на создаваемую ниву. И нужно затратить огромное количество физических сил и времени, прежде чем такой участок можно будет назвать удобным для земледелия. Но и после того, как верхний покров под пахоту на участке готов, его каждый год надо обновлять, так как вследствие крутых уклонов, зимний снег и весенние ливни иногда смывают непрочный верхний покров, а случается и вместе с урожаем.

Запахивается такое искусственное поле очень неглубоко небольшим легким плужком (см. рис. 14), бороздами в горизонтальном направлении. Не менее легко и забороновывается такое поле; для этого в горах употребляют не нашу обычную тяжелую борону с железными клиньями, а легкую борону-волокушу — род метлы (см. рис. 15), или просто терновый куст, сук которого и закрывает зерна, не слишком теребя непрочную и неглубокую почву, и сметает разного рода сор-мусор.

С самых незапамятных времен наиболее распространенными хлебными злаками у горцев считаются просо — в ме-

стах более теплых и тучных, и ячмень—в каменистых местах: ныне на плоскости, рядом с просом колосятся и пшеница и кукуруза, которые и вытесняют просо, а в горах на ряду с ячменем сеют и пшеницу и рожь. Не так давно в горы проникли и наши овощи, бобы, картофель и капуста, и настолько привились и акклиматизировались, что за удовлетворением собственных нужд, горец значительную долю урожая везет уже и на рынок. Горцы, выселившиеся на плоскость, давно уже познакомились и с косилкой, и с молотилкой, и вальцевой мельницей, но вторично сказать: „время остановилось", и там крепко еще держатся старины (просто для новизны нет почвы, нет размаха) и пользуются теми же орудиями, какими пользовались их деды и прадеды. Убирает горец и свою ниву, и покосы косой, а чаще того большим, горского приготовления, серпом. А чтобы не свалиться в пропасть при размахе косой или серпом, он нередко привязывает себя поперек пояса веревкой, другой конец которой прикрепляет выше к дереву или скале.

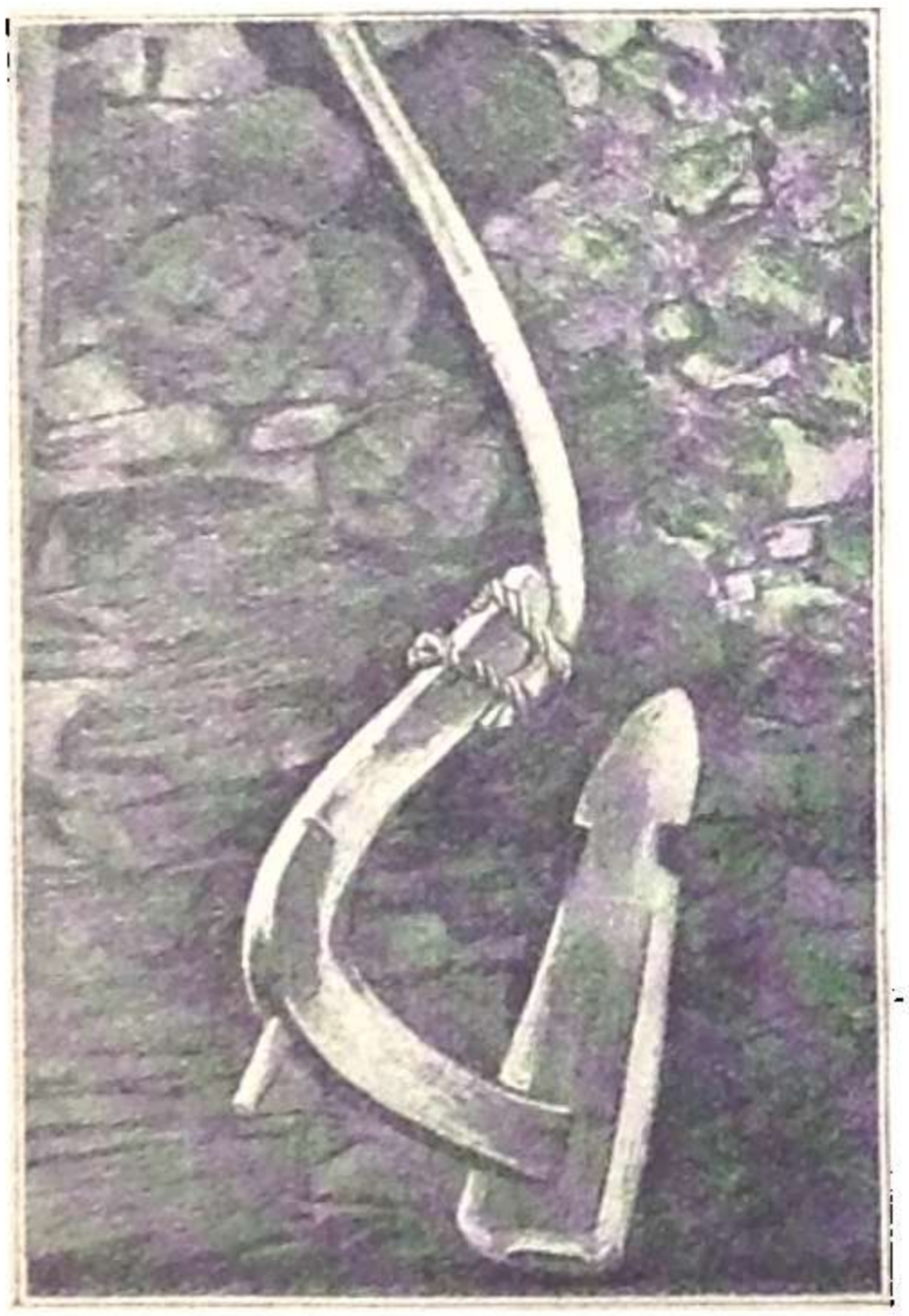

Рис. 14. Старинная горская соха.

„Это не работа, а каторга", — сказал однажды русский крестьянин, наблюдая вместе со мной из окна вагона уборку горца своей крошечной нивы. „Стал бы я работать на такой земле, да пропади она!".

Вот отзыв о подобной работе русского мужика, равнинного земледельца.

Однако, горец совсем не желает гибели такой земле, наоборот, любит ее, так как она — создание его рук, и всячески оберегает ее от стихийных бедствий, ливней и оползней, и при малейшей возможности расширяет ее площадь, ибо, во-первых, твердо помнит, что ему некуда деться,

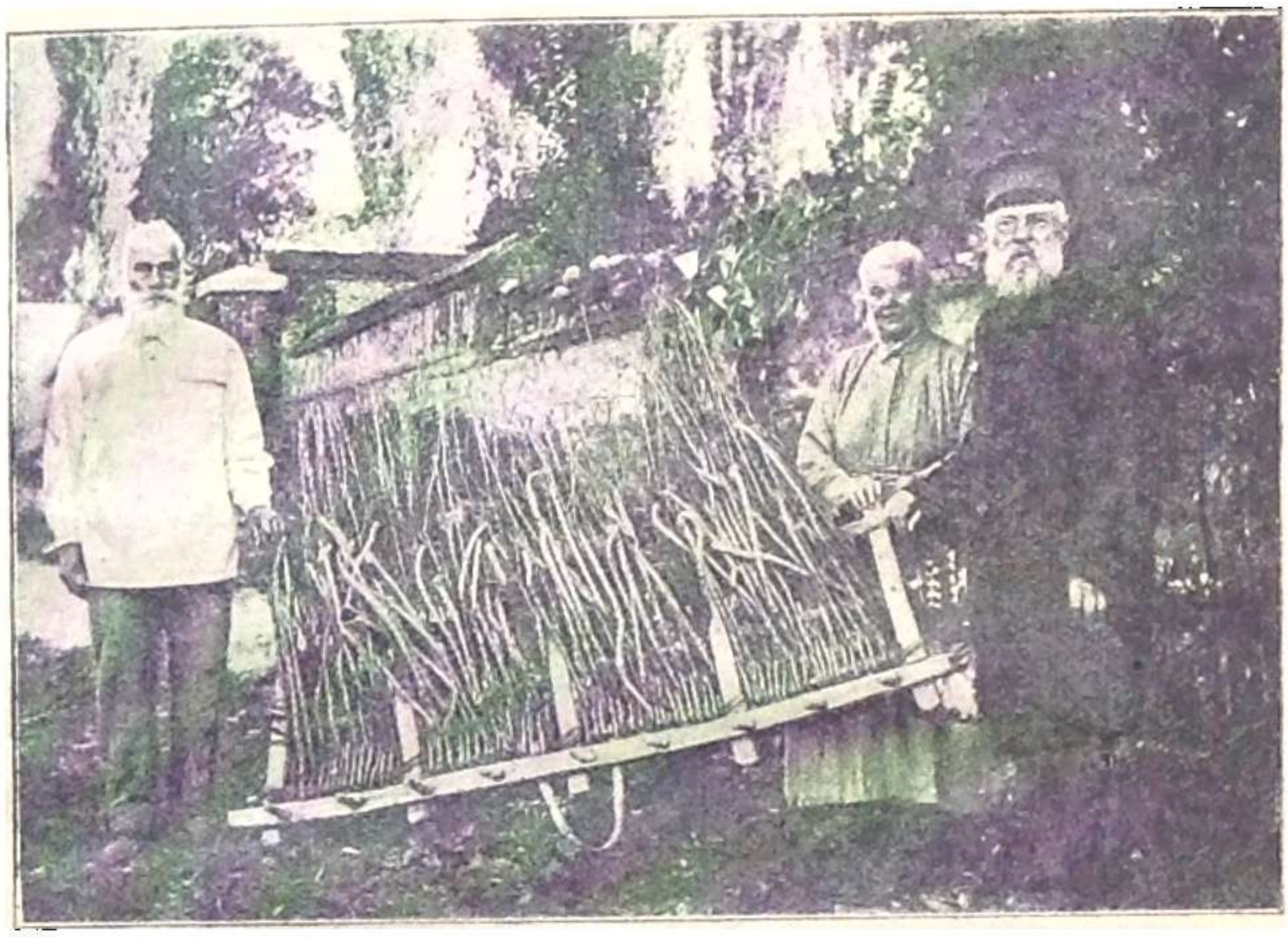

Рис. 15. Горская борона-волокуша (Владикавказский музей).

а во-вторых, знает, что, если он приложит к ней свои силы и старания, она хорошо его вознаградит.

Так же проста и незатейлива молотьба хлеба. На небольшой площадке-току, тщательно утрамбованном, раскладывают нетолстым слоем скошенный хлеб; затем берут две крепкие доски и в небольшие гнезда с нижней стороны вбивают куски острых камней (чаще всего кремня). Доски прикрепляют веревками за ярмо, впряженное парой волов или коров. Мальчик становится на две половины и гонял хлыстом животных, которые, таская за собой корявые, нагруженные доски, ломают солому и колос и выбивают оттуда зерна. Такой способ обмолачивания распространен по всему Кавказу. Впрочем, иногда обходятся и без этих досок, довольствуясь одними животными, которых гоняют длинными кнутами по кругу и заставляют выбивать и вытаптывать зерно из колосьев. Результаты получаются те же. Обмолоченное таким примитивным способом и не менее примитивно, с лопаты провеянное зерно, конечно, никогда не отличается чистотой и всегда полно куколя, спорыньи и других сорных трав. Но горец не слишком требователен и говорит: „пусть и такое, только побольше". На рынке же

засоренное зерно горца расценивается процентов на 30 ниже ставропольского, где давно уже применяется машинный и более совершенный способ и молотьбы, и сортировки.

Наблюдая хозяйственную жизнь горца, все исследователи-кавказоведы единогласно приходят к заключению, что за последние 50—60 лет в его занятиях, промыслах и образе жизни произошла большая перемена; с выселением на плоскость, горец все более и более отстает от скотоводства и все более привязывается к земледелию. Тут несколько причин: с одной стороны увеличение народонаселения и соответственно с этим сокращение земельной площади и душевого надела, с другой — и большая выгодность земледелия. Как шла среди горцев эта замена и вытеснение одного промысла другим, далеко еще не обследовано на-

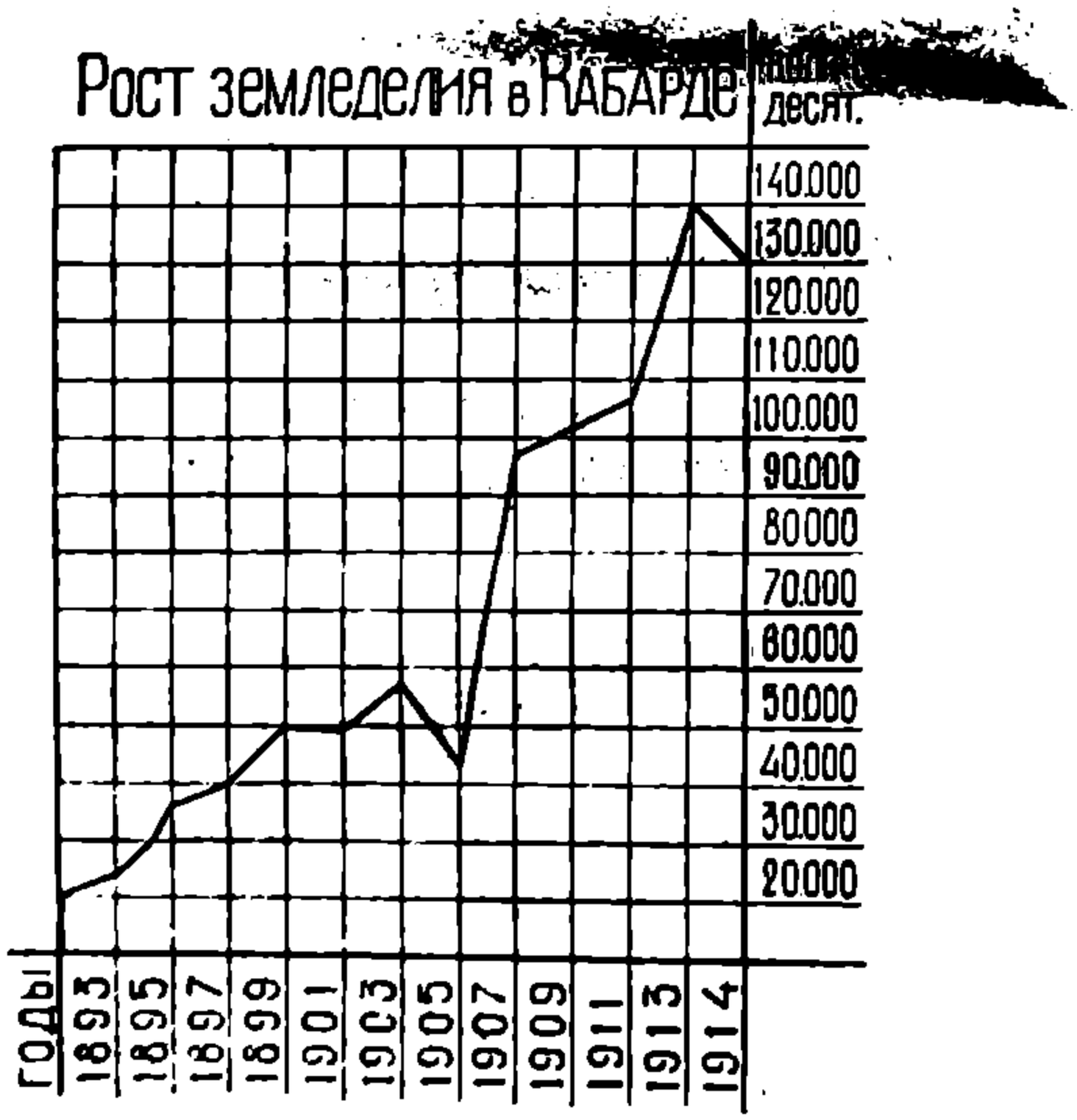

Рис. 16.

умой. Единственно, где этот вопрос более или менее удовлетворительно обследован, изучен и разрешен — это в Кабарде. Но сравнивая условия жизни и различные цифровые данные из сельскохозяйственного уклада горцев перечи-

сленных национальностей, мы будем недалеки от истины, если предположим, что в таком же роде и порядке развивалось и развивается сельское хозяйство и у других горцев Северного Кавказа, как оно развивалось у кабардинцев; это можно видеть из кривой, здесь прилагаемой.

15. Мельница.

Соответственно размерам запашки и всей земледельческой культуре горца, находится и его мельничное производство. На Кавказе до сего времени можно встретить ре-

Рис. 17. Русская работница за русской просорушкой.

шительно все виды мельницы, начиная от каменной ступки с деревянным или каменным же пестом, кончая наливной Однако, наиболее распространенными являются мельнички

двух типов, так называемые переносные домашние мельнички с маленькими ручными жерновами и мельнички водяные, турбинные. Устройство мельниц первого типа очень несложно; на неподвижном гладком жернове, вершков 10—12 в поперечнике, укладывается верхний жернов почти такого же размера, с небольшим отверстием в центре для засыпания зерен; в его поверхности с краю выдалбливается небольшое гнездо, куда и вкладывается небольшая рукоятка; помощью этой рукоятки жернов приводится в круговращательное движение (см. рис. 17. — „Русская работница за горской просорушкой"). При беспрерывной целодневной работе таким жерновом можно смолоть около полутора пудов зерна, чаще всего ячменя. Несмотря на все их неудобство и

Рис, 18. Примитивная горская мельница.

малую продуктивность, эти мельнички упорно держатся по горным и даже плоскостным аулам.

Вторым, я сказал бы, господствующим, типом мельниц (см. рис. 18) и в горах, и на плоскости, является мельничка водяная, тоже весьма несложного характера. Устройство ее таково.

Рис. 19. Нижняя часть горской мельницы.

Обычно, над небольшим и быстрым горным потоком-водоскатом, на четырех массивных деревянных столбах устанавливается кузов мельницы (самая большая величина его 3 × 3 аршина в длину и ширину и 2½ аршина в вышину) деревянный или турлучный, но с деревянным полом. На последнем утвержден неподвижный жернов, от 12 до 16 вершков в поперечнике, опоясанный лыковым кожухом; на нижнем

жернове — верхний подвижный, примерно такой же величины. К этому верхнему жернову с нижней стороны в глубокое гнездо вкладывается железный стержень-вал, примерно ³/₄ вершка в толщину; через небольшое отверстие в центре неподвижного жернова железный стержень пропускается вниз через жернов и пол до поверхности падающей водяной

Рис. 20. Котел для варки пива.

струи. На нижний, висящий, вертикальный конец этого стержня также неподвижно насаживается восьмилопастное деревянное колесо, вершков 20 в поперечнике. Это колесо располагается немного сбоку падающей струи, которая обычно, сбегая по желобу с уклоном не менее 30°, сильно бьет в лопасти колеса и, быстро вращая его, вместе с тем при помощи железного стержня вращает и верхний жернов, куда через небольшое отверстие из неподвижного кузова

сыплется и подается зерно. Впрочем, устройство этой верхней части обычно ничем не отличается от такового же наших деревенских наливных мельниц. Такая мельница может смолоть в сутки от 5 до 10 пудов зерна и является в сравнении с первым типом значительным шагом вперед. Забота о доставке зерна и его помоле является одной из обязанностей горянки, которая и доставляет зерно на мельницу в кожаных мешках-бурдюках на маленьких горных осликах, а то и на своих плечах.

16. Использование и расходование хлеба.

Хлеб, добытый горцем с таким огромным трудом, расходуется двояким способом: на приготовление пищи и на приготовление горячительных напитков.

Обыкновенный хлеб, которым питается горец, сделан ли он из ячменной, кукурузной или пшеничной муки. — это обычный чурек. Как я уже сказал выше, готовится он всегда без дрожжей и замешивается на холодной воде. Секрет приготовления русского хлеба на дрожжах горянке неизвестен, да если бы и был известен, испечь его негде, так как русская печь в горах почти совсем отсутствует. Горский пресный хлеб, иначе чурек, пока горяч, в первый день еще сносен, хотя и не для всякого желудка, но уже на второй, на третий день он превращается в форменный камень, равно трудно приемлемый как для зубов, так и для желудка. Этим, пожалуй, и можно объяснить, почему горские жительницы никогда не делают его запасов, а пекут каждый день, а то и понескольку раз в день.

Немалая доля из хлебных запасов расходуется на приготовление спиртных напитков. Наиболее известными и распространенными из них являются буза у кабардинцев, арака (водка-самогонка) у осетин, хевсуров и других горцев, и пиво, напиток повсеместно распространенный в горах.

Горское пиво и по способу приготовления и по степени крепости мало чем уступает нашему патентованному заводскому пиву, а нередко и превосходит его своим вкусом и крепостью. Способ его приготовления таков. В огромный медный котел, иногда вместимостью до 40 ведер (см. рис. 20) засыпают солод в таком количестве, чтобы, будучи долит

до краев водой, он образовал массу, в которой палка, воткнутая вертикально, могла бы не падать. Затем, приступают к варке, которая продолжается полдня. Сваренную таким образом массу процеживают через хворост и солому в большие деревянные чаны, после чего, отбросив барду, отвар переливают обратно в котел, подкладывают туда хмеля (какое количество — это дело вкуса и секрет мастера) и снова переваривают на медленном огне до вечера. Затем

Рис. 21. Принадлежности для варки араки (водка-самогонка).

пиву дают отстояться 3 — 4 дня, после чего оно вполне годно для употребления.

Производство араки более сложно и требует большего опыта и знания. Для ее приготовления также необходим солод, безразлично — ячменный или кукурузный, который сначала просушивают и мелют. Муку заливают водой; на пуд муки приблизительно ведро воды (ведро, конечно, не казенное, а домашнее). Тщательно перемешав всю эту массу, дают ей отстояться 2 — 3 дня. Когда масса начнет бродить, ее целиком сливают в чистый, особенного устройства, котел, с длинным носиком, плотно закрывают его деревянной крышкой и герметически замазывают глиной. Трубка-

носик проходит через деревянный, наполненный водой, холодильник. Котел устанавливают на костер (очаг или другой огонь) и начинают варить всю эту массу (см. рис. 21). Хлебная масса кипит, вздымается паром, пары поднимаются вверх и, не найдя выхода, устремляются в трубку. Проходя через холодильник, пары охлаждаются и тоненькой струйкой льются в подставленный для этого сосуд. Чтобы приготовить араку высшего качества и большей крепости, берут уже полученную араку, подливают в нее немного воды и вновь начинают ее кипятить и снова перегонять через кипятильник. Полученная от вторичной перегонки арака несомненно большей крепости (она горит как спирт), но своего специфически-неприятного запаха не теряет; однако, горцы пьют ее с удовольствием и тратят на нее и на приготовление пива большую долю своих скудных хлебных запасов.

17. Скотоводство (общий очерк).

Скотоводство во всех его видах — овцеводство, коневодство и крупный рогатый скот с незапамятных времен и почти до последней поры, было любимейшим и основным промыслом горцев всего Северного Кавказа. Но различные виды его не всюду одинаково были развиты. Собственно горцы, обитатели глубоких ущелий и котловин, являются по преимуществу овцеводами и скотоводами и в небольших размерах коневодами. Обитатели равнинных предгорий — кабардинцы, отчасти осетины и кумыки — развили одинаково все виды скотоводства. Народные сказания, свидетельства древних историков и остатки пищи и жертвы, находимые в курганах, согласно говорят, что древнейшим и главнейшим из всех видов скотоводства на Кавказе было овцеводство, признаки какового мы находим в древних могильниках за много веков до нашей эры. Однако, прежде чем перейти к рассказу об овцеводстве и скотоводстве вообще, чтобы не повторяться в дальнейшем, скажу несколько слов о предметах и обычаях, которые нераарывно связаны со всеми видами скотоводства.

Начну с пастухов. Явное дело, что при таком хозяйственном укладе, где скотоводство занимало главное место,

пастух и его работа пользовались и соответствующим вниманием и должной оценкой общества. Это мы находим у всех горских народностей. Но больше всего все названные обычаи, связанные со скотоводством, обязанности и права пастуха разработаны у народа политика и государственника — черкесов и кабардинцев, прежних владетелей Северного Кавказа. Их обычаи мы и можем считать примерными, принимая во внимание, что быт, хозяйственные условия и уровень образования всех народностей Северного Кавказа до последнего времени были приблизительно на одной высоте.

И вот, рассматривая правовое и материальное положение пастуха, например, в Кабарде, мы находим, что пастух-овчар за свою летнюю работу-пастьбу и охрану стада овец общественного сборного или частного, в 300 — 400 голов, получал (смотря по величине стада, личным достоинствам, сроку найма и пр.) от 60 до 120 руб. на хозяйских харчах. Главный надсмотрщик над целым „кошем“ (10 отар-стад или 3000 голов), обычно и самый крупный хозяин в соединенном „коше“ (кочевой хутор), получал за свою трудную и ответственную работу тоже не более 120 руб., это потому, что там же под его надзором паслись и его 300 — 400 баранов. Коровий пастух на летних пастбищах за сезон брал 15 — 20 штук телят или, в переводе на деньги, около 150 руб. Аульный коровий пастух получал плату тоже натурой, телятами, молоком и проч., на хозяйских харчах, до 200 руб. за пастбищный период. Самой крупной платой можно считать заработок табунщика (табун — стадо коней в 200 – 300 голов). Здесь за свой труд табунщик получал от 300 до 500 руб. Таким образом мы видим, что плата пастуху повышалась с увеличением опасности; этой опасности и риску со стороны ночных бандитов больше всего подвергались табуны коней, почему их пастухи и надсмотрщики и получали наивысший оклад. Хороший, опытный пастух или табунщик, умеющий хорошо „разбить“ стадо, предусмотреть погоду и т. п., у кабардинцев и у других горцев пользовался весом и уважением и был заметным членом своего общества. С весной хозяева выгоняли скот из зимних помещений, кошей, где они стояли на сухом сене, на подножный корм. С наступлением жары и уничтожением корма на

юртовых аульных наделах, скот перегонялся в горы, где было не так жарко, и трава не была вытоптана. Новые пастбища, случалось, лежали очень далеко, за несколько дней пути, как, например, у кабардинцев. При таком положении дела не было никакого расчета небогатому хозяину отрываться от дома на все лето и гнать туда свое небольшое стадо овец или коров. В таких случаях домохозяева одного квартала соединяли однородных животных в отдельные стада и нанимали общих пастухов, отдельно для каждого вида животных, за определенную плату до первого снега. А чтобы скота (всякого — и крупного, и мелкого, и лошадей) сами хозяева не перепутали, у горцев, особенно у кабардинцев, с незапамятных времен повелся обычай весь молодняк по достижении года метить — таврить. Тавро или тамга, фамильный знак собственности, изготовлялся из железа, поменьше для овцы, побольше для крупного скота; знак раскаляли на огне и прижигали у лошади на ляжке, у быка на лопатке, у овцы на щеке. Самый процесс тавренния обычно производился таким образом.

Рис. 22. Родовые знаки собственности.

С утра на широкий, поместительный двор скотовода сгоняются все виды животных, если их немного (если много, то для каждого вида животных особый день) и размещаются по отдельным базам. Одновременно с этим где-нибудь в углу разводится большой костер, в пламя которого кладут два одинаковые железные знака собственности (штампа) (см. рис. 22). В первую голову метят лошадей. Длинным волосяным арканом люди ловят молодых животных и, повалив их на землю, крепко прижимают к земле. Хозяин

быстро приближается с раскаленным штампом и делает на ляжке конька неглубокий ожог. Тавро, метку, кладут и на правую и на левую заднюю, и на правую и на левую переднюю (реже) и даже иногда и на внутреннюю сторону ляжки (у абхазцев). Если род раздробляется на несколько ветвей и пикакал из них не желает менять дедовского тавра, тогда условливают я, кто как должен метить, — один на правой задней, другой на левой, третий дом на правой передней, четвертый на левой передней. Крупному рогатому скоту тавро кладут на лопатке, овцам на носу. Никаких предохранительных мер не принимается и рана обычно через неделю-другую заживает сама собой. Когда скот помечен, его сгоняют в сборное стадо под надзор и ответственность общественного пастуха. Последний, принимая скот, дает владельцу расписку, изготовленную самим хозяином. Эта расписка, обыкновенно четырехгранная обструганная палочка с тавром хозяина (см. рис. 23), по углам покрывается резами, из которых каждый означает один какой-либо вид животных: овцы-матки, ягнята, валухи, козы. Проверив на глазах пастуха овец и вообще животных, хозяин раскалывает эту бирку и одну половину вручает пастуху, другую берет себе. Проверив скот и получив бирку, пастухи немедленно двигаются на летние пастбища, иначе кровавый ожог загадят мухи, и он загниет. Названные запасные летние пастбища в том или ином количестве имеются у всех плоскостных обитателей-горцев. У ингушей высоты Хамхинского общества, у осетин высоты Сапиба, у кабардинцев Золкинские займища, откуда с конца июня их стада передвигаются на хребет Джинал, затем, на склоны горы Кинжал, где и разме-

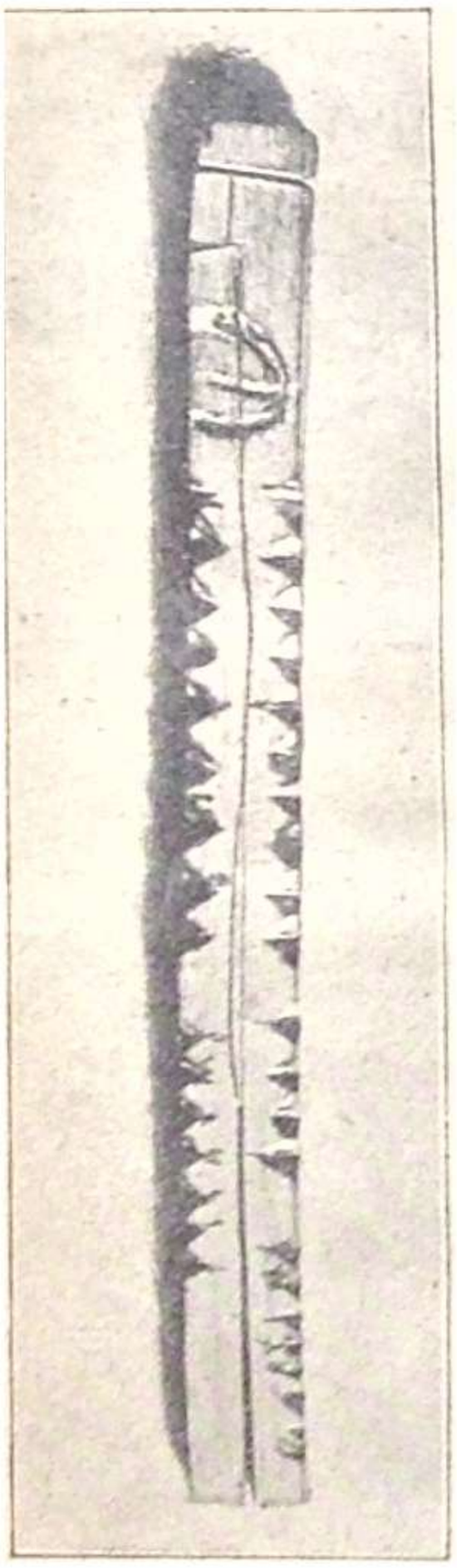

Рис. 23. Памятная бирка — палочка для счета, покрытая условными резами.

щаются по своим участкам. Когда скот возвращается с пастбища, пастух передает овцеводу свою половину бирки, тот складывает ее со своей и документ восстановлен. С помощью тавреной бирки они легко устанавливают наличность вернувшегося с пастбища скота и рассчитываются.

18. Овцеводство.

Кавказская порода овец по внешнему виду нисколько не отличается от русской; принадлежа к тому же виду грубошерстной, она, однако, имеет одну особенность, которая значительно отличает кавказскую овцу от русской; эта особенность — ее хвост. У кавказской овцы он короче, но зато на нем отлагается столько жира, что он превращается, особенно у баранов, буквально в подушку (весом иногда до 1 пуда), которую он носит с большим трудом. Этот хвост называется курдюком, почему кавказская овца слывет в науке и на языке скотоводов под названием курдючной. Курдюк молодого барашка, так же, как и его мясо, нежны и сочны и зажаренные особенным образом, вместе с стручковым перцем и помидорами, считаются на Кавказе любимым блюдом (шашлык из молодого барашка). Названная порода овец отлично акклиматизировалась на Кавказе и одинаково хорошо чувствует себя как в горах, где она, лазая по крутым, чуть ли не отвесным скалам, находит себе достаточно корма, так и на плоскости, где при благоприятных условиях она быстро жиреет. На летних пастбищах овцы обычно пасутся стадами (отарами) в 300 — 400 голов под надзором пастухов. Чтобы овцы не мешали друг другу и не вытаптывали без толку корма, хороший, опытный пастух стремится рассыпать, „разбить“ стадо так, чтобы „отара“ двигалась не длинной колонной, а широкой, неглубокой шеренгой, в два—три ряда (см. рис. 24).

При таком движении стада корм вытаптывается и загрязняется мало и почти весь поедается вторым и третьим рядами, тогда как при движении глубокой колонной корм вытаптывается и загрязняется, прежде чем до него доберутся задние ряды. С наступлением холодов, каковые в горах начинаются раньше, чем на равнине, скот постепенно спускается ниже и, наконец, возвращается домой на свои обычные аульные пастбища.

Около октября по старому стилю овцы разбираются хозяевами, которые приступают к осенней стрижке, для чего выбирается сухой и теплый день. Небогатый овцевод, имеющий 50 — 60 штук, управляется с этим делом своими силами, приглашая, однако, на помощь близких родственников и друзей (см. рис. 25). Такая помощь считается взаимной

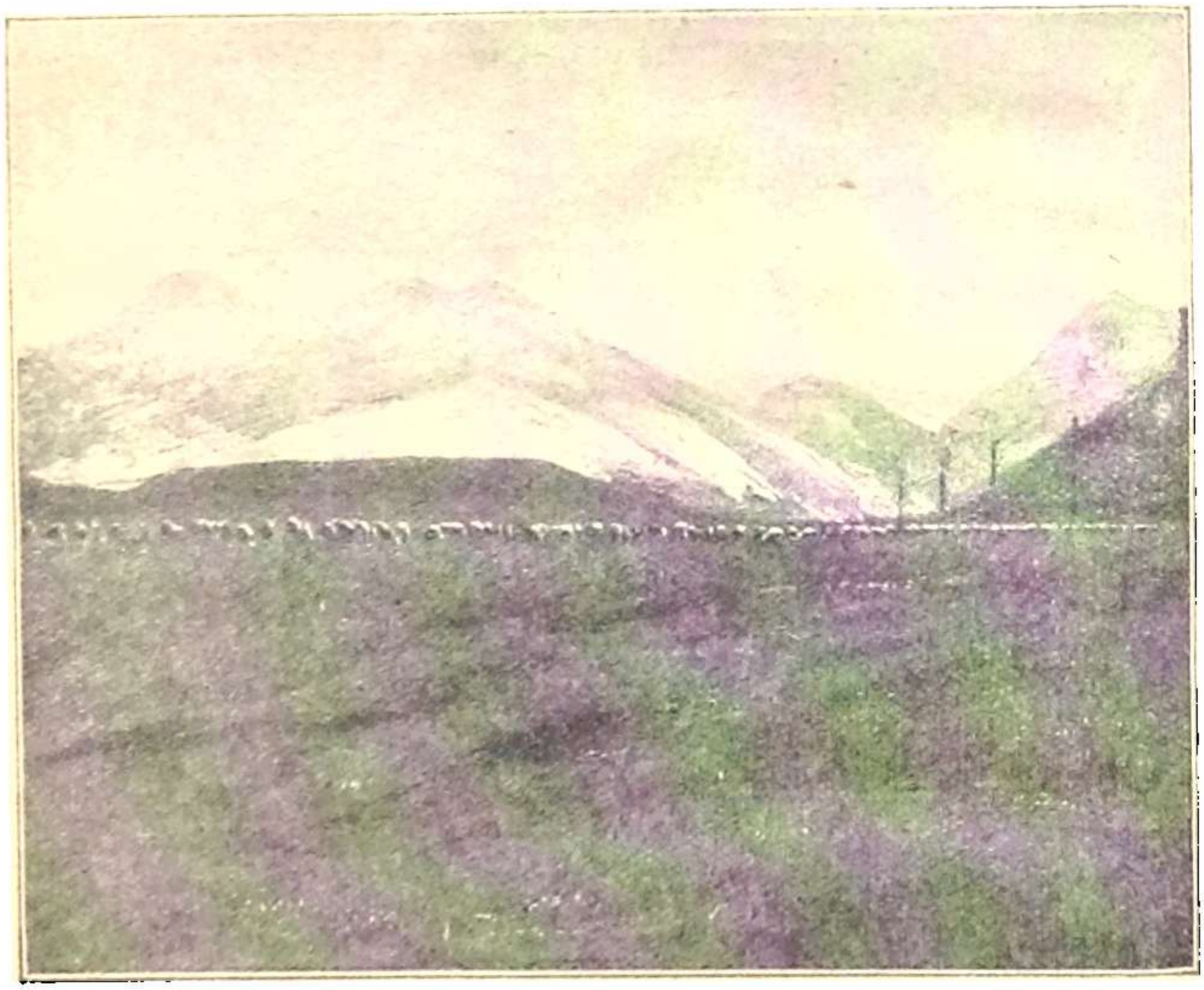

Рис. 24. Стадо овец на ходу (широкой шеренгой).

и за работу гостям ничего не платят, а только угощают после окончания работ хорошим ужином и выпивкой — пивом, аракой и пр. Богатые овцеводы для стрижки нанимают поденщиков, с которыми расплачиваются за работу шерстью с этих же овец. Вес шерсти или руна с одной средней овцы — 3 — 4 фунта. Таким образом с 50 — 60 штук баранов (количество овец у среднего горца) овцевод собирает от 4 до 5 пудов шерсти. Цена шерсти на кавказских рынках колебалась от 5 до 7 руб., итого от продажи всей волны небогатый горец-овцевод с трудом выручал 25 — 30 руб.

Немного он получал и от продажи живых баранов, так как цены на них до войны редко стояли выше 3 — 4 руб. (самый крупный и лучший — 5 руб.). Хорошая овчина (сырая) ценилась не выше $1^1/_2$ — 2 руб. В этом — причина, почему небогатый горец неохотно продавал шерсть сырьем и предпочитал расходовать ее дома на свои нужды. Это исполь-

Рис. 25. Осенняя стрижка овец в Кабарде.

зование сырья происходило в разных направлениях; однако, самая большая доля шерсти шла на изготовление сукна.

Из сказанного мы видим, что, говоря вообще, овцеводство, как промысел, мало доходно. Этим и объясняется, что с ростом населения и сокращением земельной площади овцеводство из года в год падает, тогда как земледелие, наоборот, как более доходное и верное — крепнет и распространяется.

Прилагаемые ниже две диаграммы показывают нам, какую историю пережили в Кабарде эти два промысла за последние 50 лет. Такой же путь, примерно, совершало хозяйство у других горцев Северного Кавказа, см. диаграмму (рис. 26).

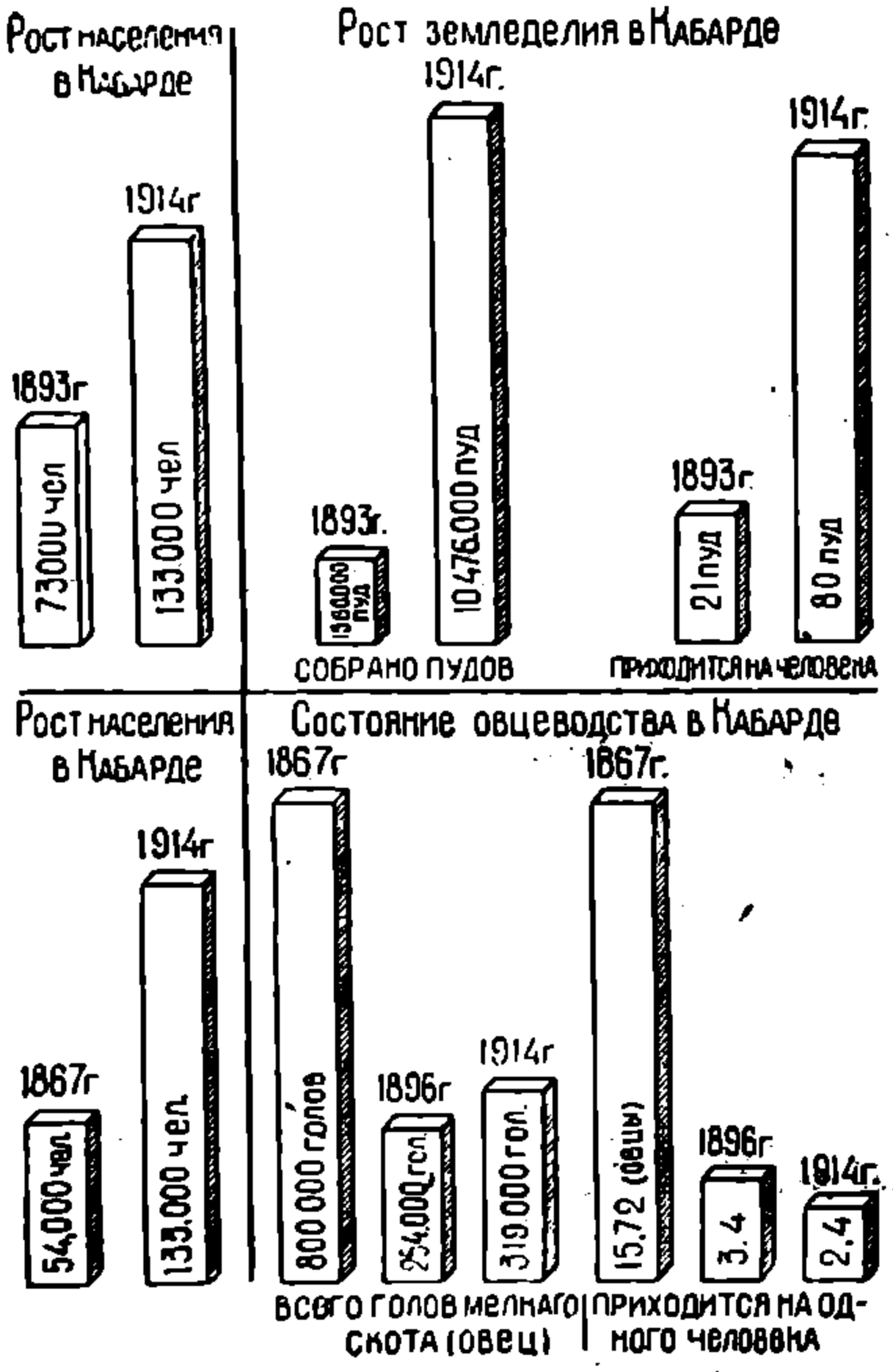

Рис. 26. Состояние сельского хозяйства в Кабарде.

19. Изготовление сукна.

Когда шерсть с овец снята, ее, прежде чем пускать в работу, тщательно моют в чистой проточной воде, затем сушат и только после этого приступают к обработке. Сбившуюся и свалявшуюся комками шерсть хорошенько раздергивают руками; затем ее расчесывают на гребне (см. рис. 27), разбивают лучком, как русские шаповалы, и затем уже приступают к сучению ниток, что делается самым примитивным способом на простом всемирно известном веретене; затем нитка сдваивается, что достигается или опять-таки при по-

мощи веретена, или на самой примитивной прялке, как у хевсуров (см. рис. 28). Когда нитки готовы. ставят примитивный станок на подобие русских кросен, натягивают основу, закладывают уток, женщина садится за кросна, берет большой деревянный челнок, и начинается тканье (см. рис. 29). Устройство всего ткацкого станка у всех горцев настолько просто и примитивно, что на нем управляется даже девочка-

Рис. 27. Кабардинка за расчесыванием шерсти.

подросток, чего нельзя сказать о наших кроснах, за которыми обычно восседает старуха-мать со всем ее 40-летним опытом.

Готовое сукно снимается с кросен и, прежде чем пускается в дело, катается с глиной и моется, затем красится, если оно из белой шерсти, сушится и только после этого употребляется в дело.

Ходовое горское сукно обычно нешироко, 10—12 вершков, толсто, но неплотно, грубо и редко, на свет просвечивает, в носке непрочно. Сукна более широкие — обычно и более тонкие, плотные и добротные. Более тонкие сукна ткутся из мягкого подшерстка и в продаже ценятся раза в два, а иногда и три, дороже против грубого рабочего. В прежнее время (конец XVIII и начало XIX века), когда торговля с Кав-

казом была не налажена, и ввоз фабричных полотен и сукон и других товаров был затруднителен, горцы почти сплошь жили натуральным хозяйством, не рассчитывали на рынок и старались своими силами поднять и усовершенствовать хозяйство, а в том числе и ткацкое производство и, действительно, достигли в этом больших успехов. Французский консул в Крыму (вторая половина XVIII века) Пейсонель

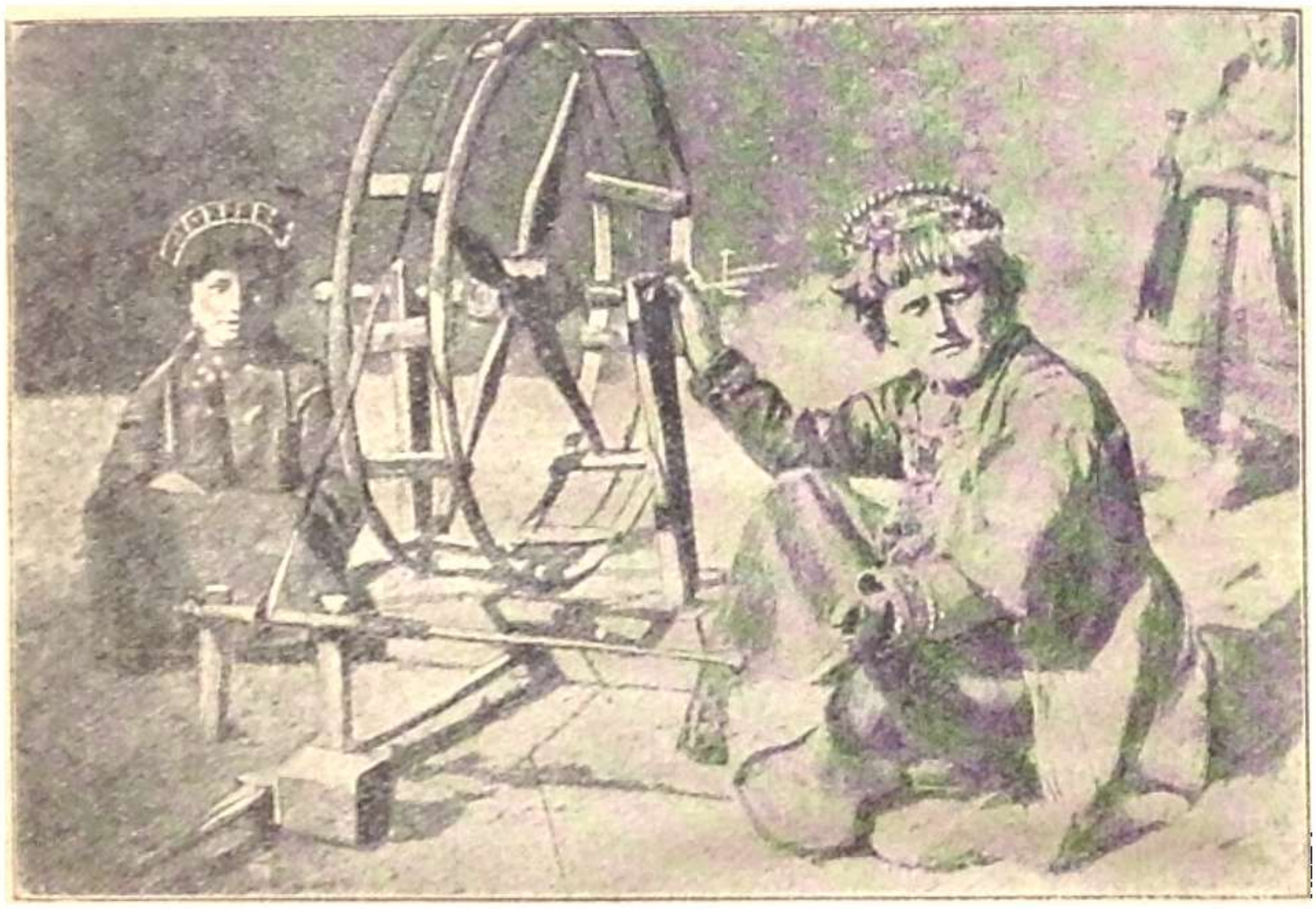

Рис. 28. Сучение (сдваивание) пряжи у хевсуров.

дает самый лестный отзыв о кабардинских и черкесских сукнах, которые проникали в Крым, и отмечает, что среди них попадались такие сукна, которые он не мог отличить от французских.

За отсутствием каких-либо иных тканей, в том числе полотен и ситцев, применение и назначение в домашней жизни горца туземного сукна было самое разнообразное; он шил из него черкеску, бешмет и шаровары, которые являлись для него одновременно и дневным платьем и ночным бельем. Женщины готовили себе из этого же сукна и рубахи, и юбки, и платки, короче говоря одевали с ног до головы и себя, и мужей, и детей. За годы перед войной, сукноделие, как промысел, сильно упало и упорно держалось и

держится только в горах, на плоскости же, где экономическое положение туземца-земледельца значительно лучше, чем его собрата, оставшегося в горах, и ему легче добраться до города и его рынка, здесь оно с падением овцеводства замирает и постепенно заменяется покупными тканями, хотя

Рис. 29. За тканьем сукна.

рабочее платье, особенно у мужчины, все еще готовится из домотканного сукна.

Но в глухих захолустьях Осетии и особенно Хевсурии не только верхнее платье, но и нижнее (наше белье) готовится из того же грубого домотканного сукна, и в Хевсурии, напр., презрительно посматривают на наши платья, костюмы и белье и сознательно избегают их, говоря, что такие нежные ткани не подходят для их жизни и их суровых, тяжелых работ.

20. Вязанье.

Но шерстяная нитка шла не на одно только сукно, она в значительной степени расходовалась еще и на вязанье. И если в большой горской семье одна — две женщины сидели за тканьем, то остальные, начиная с десятилетнего возраста, если не были заняты чем-либо по хозяйству, то непременно или сучили пряжу, или вязали — одна чулки, другая перчатки, третья платок, четвертая кофту или целую юбку. Эти вязаные женские платья в годы революции и мануфактурного кризиса сделались у горянок самым обычным и распространенным явлением. Тщательностью отделки, прочностью и скромной красотой орнамента такие любопытные и ценные экспонаты невольно останавливают на себе взор пытливого исследователя.

21. Бурочное производство.

Секрет приготовления бурки известен всем горцам Северного Кавказа и частью Закавказья, но надо сказать, что выше всего производство этого предмета с давних пор стояло в Кабарде и Дагестане, хотя недурные бурки готовились и в Осетии. Бурка — это непременная принадлежность горца старого закала и в походе была незаменимой вещью. Она — от дождя непромокаемый плащ, покров от летнего зноя, защита от холодного ветра, ночью в степи на походе она постель и одеяло. Свернутая за ненадобностью в небольшой валик, она занимала за седлом очень скромное место к удовольствию и всадника, и походного коня. Вот почему на нее в прежнее военное время был такой сильный спрос и среди горцев, и среди казаков, не только линейных, но и тихого Дона. Однако, для пешехода, особенно в сырую погоду, — она уже тягота, она болтается, как длинная, несуразная юбка, путается между ног, пачкается в грязи. Еще неудобнее она в хозяйстве по дому и на работе в степи. Здесь она только мешает своими длинными полами, которые лезут под ноги, грязнятся и мешают работе. Короче, для мирного домоседа, каким теперь делается всякий горец, ее достоинства не так уже велики, почему бурочный промысел с ростом населения не увеличивается, а падает по всему

Северному Кавказу и Закавказью. Этому, конечно, также способствует и повсеместное сокращение овцеводства и убытка шерсти и переход горцев к земледелию.

Выделка бурки не представляет большой тайны, но требует много времени и усидчивости. Для бурки предпочитается шерсть черного цвета, потому что на нее нужно менее красящих веществ. Изредка готовят бурки и белые, но только для богатых и по особому заказу. Шерсть, предназначенная для бурки, предварительно моется в горячей воде, с мылом, в противном случае она будет отдавать потом овцы и тяжелым запахом; еще лучше, если представляется возможность вымыть шерсть в щелочном, горячем источнике, чем и пользовались в прежнее время кабардинцы и кумыки (имеющие поселение около минеральных источников), почему именно их бурки ценились выше всяких других кавказского же производства.

Просушив шерсть, приступают к ее сортировке. Обычно, это производят женщины и дети в длинные осенние и зимние вечера. Шерсть раздергивают, отделяя длинную жесткую косицу от мягкого подшерстка, а затем, расчесывают и разбивают на лучке, как и для приготовления сукна. При этом, третьем, последнем, процессе оставшиеся тяжелые косицы отлетают в сторону, пыль просыпается под решетку, а пух и чистый подшерсток, наиболее ценный для бурки, остается на решетке.

Фабрикация бурок происходит весной или осенью следующим образом. На цыновку или лежачий плетень осторожно и равномерно, треугольником, укладывают слой мягкой шерсти (подшерстка) и обрызгивают его водой; затем, таким же порядком на первый мягкий слой пуха укладывают слой косицы и, опять слегка обрызгав его, сворачивают всю эту массу в трубку и на этой же цыновке или на плетне начинают ее укатывать взад и вперед. Для катанья требуется не менее 4 — 5 женщин; если в доме такого количества нет, приглашаются соседки, которым при надобности отплачивают такой же работой (см. рис. 30). Укатываются бурки ритмическими согласными движениями, во время которых поются песни, сложенные для подобных случаев. Когда шерсть скатана и увалена до надлежащей плотности, полученный шерстяной войлок моют в щелочной

воде, а после просушки еще и в чистой и усердно мнут ногами на плетенке; затем верхнюю, лохматую, часть ее начесывают бурочной щеткой, а нижнюю, пуховую, опаливают на легком огне, для уничтожения отдельно торчащих шерстинок. После этого неопределенный кусок войлока кроят и подгоняют под рост заказчика или средний рост мужчины, и бурка вчерне готова. Обычно их в таком виде

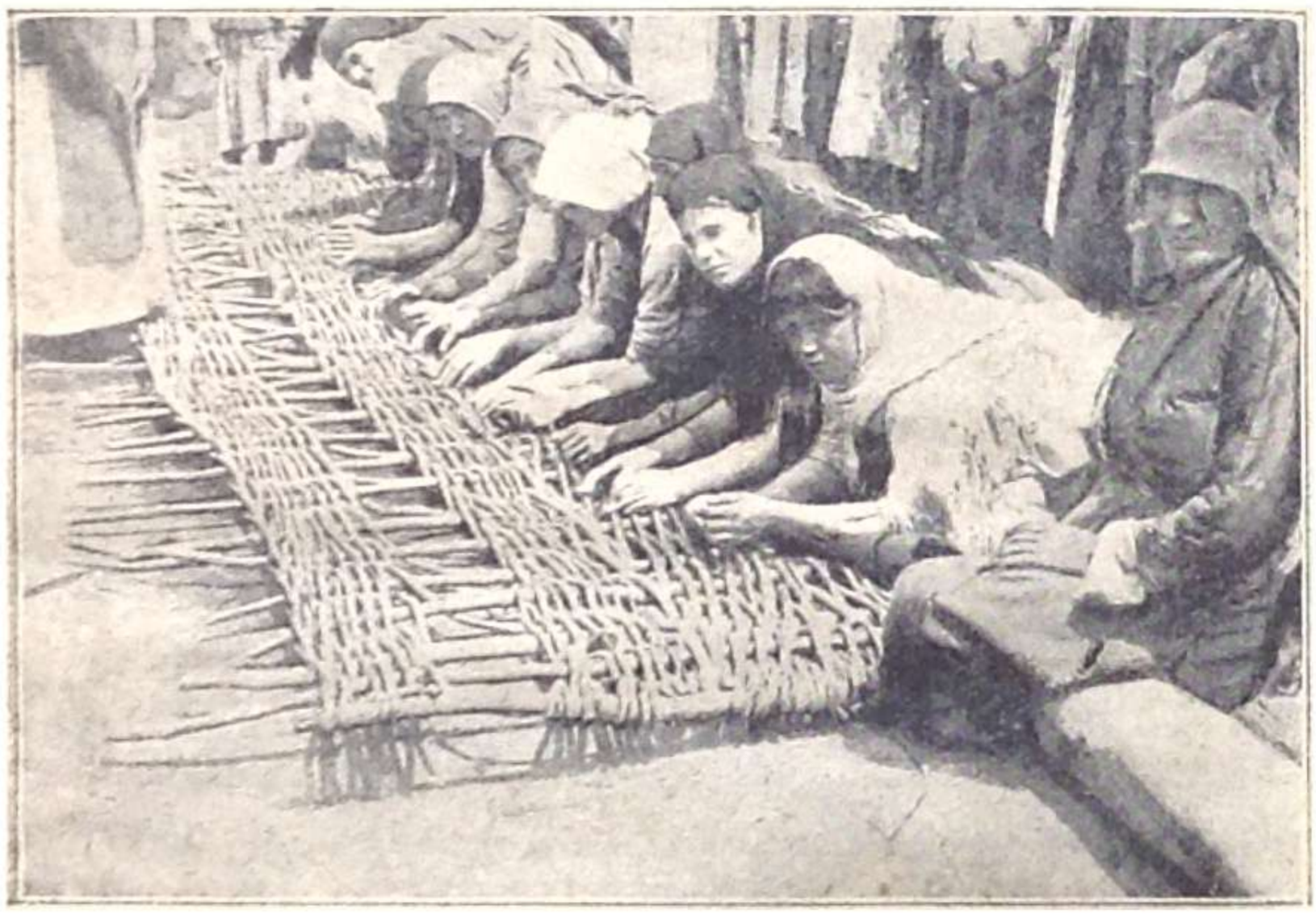

Рис. 30. Катанье бурки у осетин с. Какадур.

и продают перекупщикам, а уже эти последние отделывают их, т. е. подшивают на плечах, снизу, вершков на восемь, легкую подкладку кумачовую или сатиновую, прикрепляют кожаные застежки, обшивают ворот (на лучших экземплярах) галуном, и бурка поступает в продажу (см. рис. 32). На приготовление хорошей бурки требуется времени не менее двух недель.

Одна семья может приготовить в зиму до 15 бурок, а всего только в одной Кабарде в прежние годы (15—20 лет назад) готовилось не менее 6000 — 7000 бурок в год. Из испорченных или поношенных бурок, а также из обрезков, приготовляются чехлы для ружей, теплые и мягкие голенища для ноговиц и прочая хозяйственная мелочь. Таким же путем, хотя и менее тщательно, изготовляется и грубый

войлок (ингушами и ногайцами), который идет в хозяйстве на подстилку, а за неимением бурки у какого-нибудь бедняка-пастуха заменяет иногда и ее.

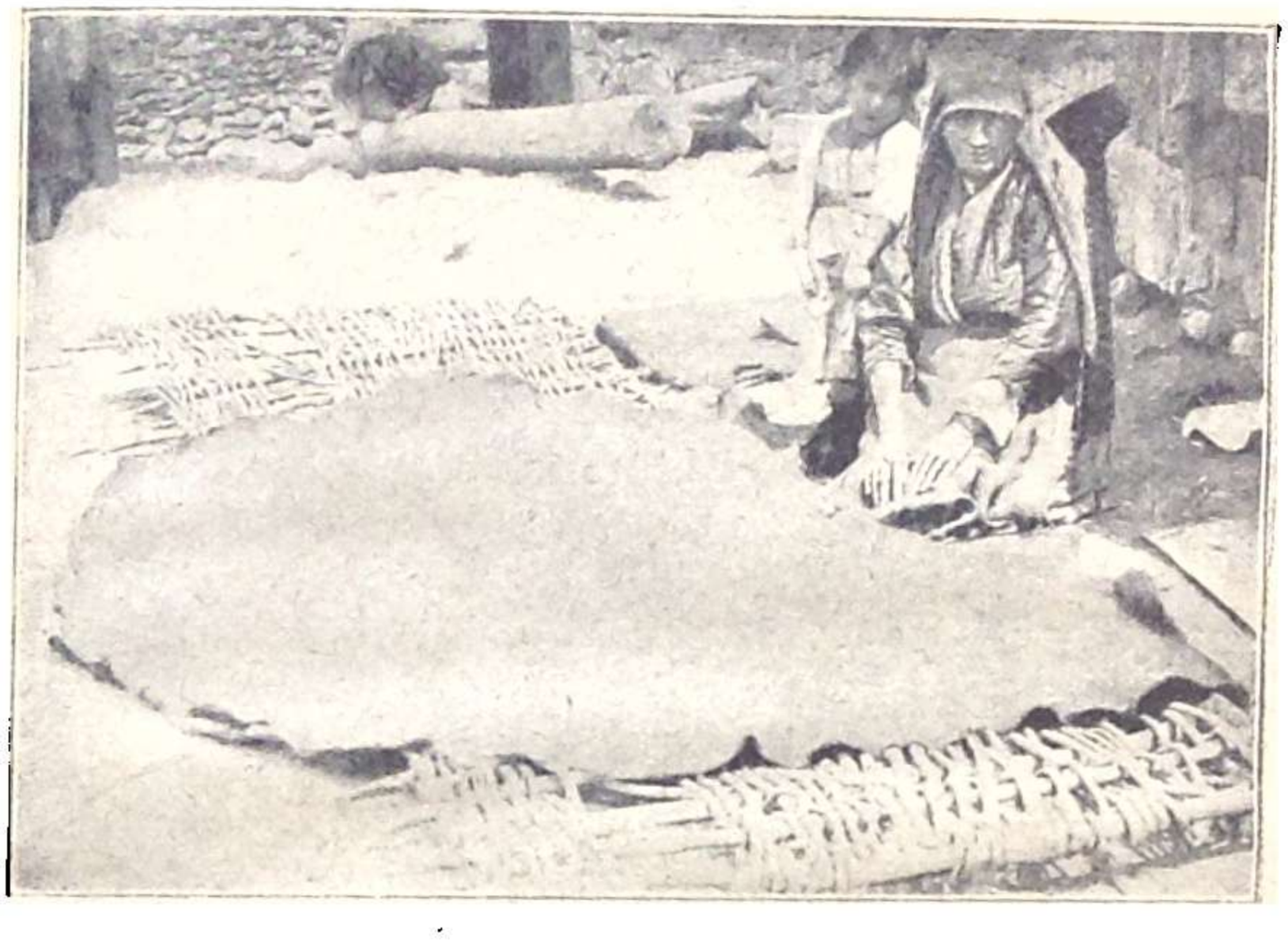

Рис. 31. Скатанная, но не отделанная бурка, представляющая вид войлока.

22. Производство шляп и шапок-папах.

Процесс производства шляп—и предварительный, и последующий—во многом напоминает приготовление и производство бурок. После того как шерсть вымыта, очищена и разбита, ее, в нужном размере, также осторожно и ровным слоем расстилают на цыновке, но в один ряд, слегка обрызгивают водой и укатывают. Когда шерсть достаточно плотно и хорошо укатана и получила вид войлока, ее обрызгивают по кругу, после чего она приобретает форму большого блина. Затем ее снова обрызгивают; укладывают на шапочный болван и обдергивают и обтягивают по его круглой поверхности. Если это легкая, белая, летняя шляпа, то и формуют ее неглубоко, если это зимняя, плотная и тяжелая, из грубой, темной или коричневой шерсти, то формуют глубоко, более длительно и более тщательно. Затем, когда влажный войлок хорошо растянулся по болвану и плотно прилег к нему, его крепко обвязывают плотной веревочкой

и в таком положении оставляют на открытом воздухе, об-тянув и завернув кверху также и его нижние края. Когда войлок высыхает, он навсегда остается в том виде, какой придал ему болван. Обшив края шляпы соответствующего

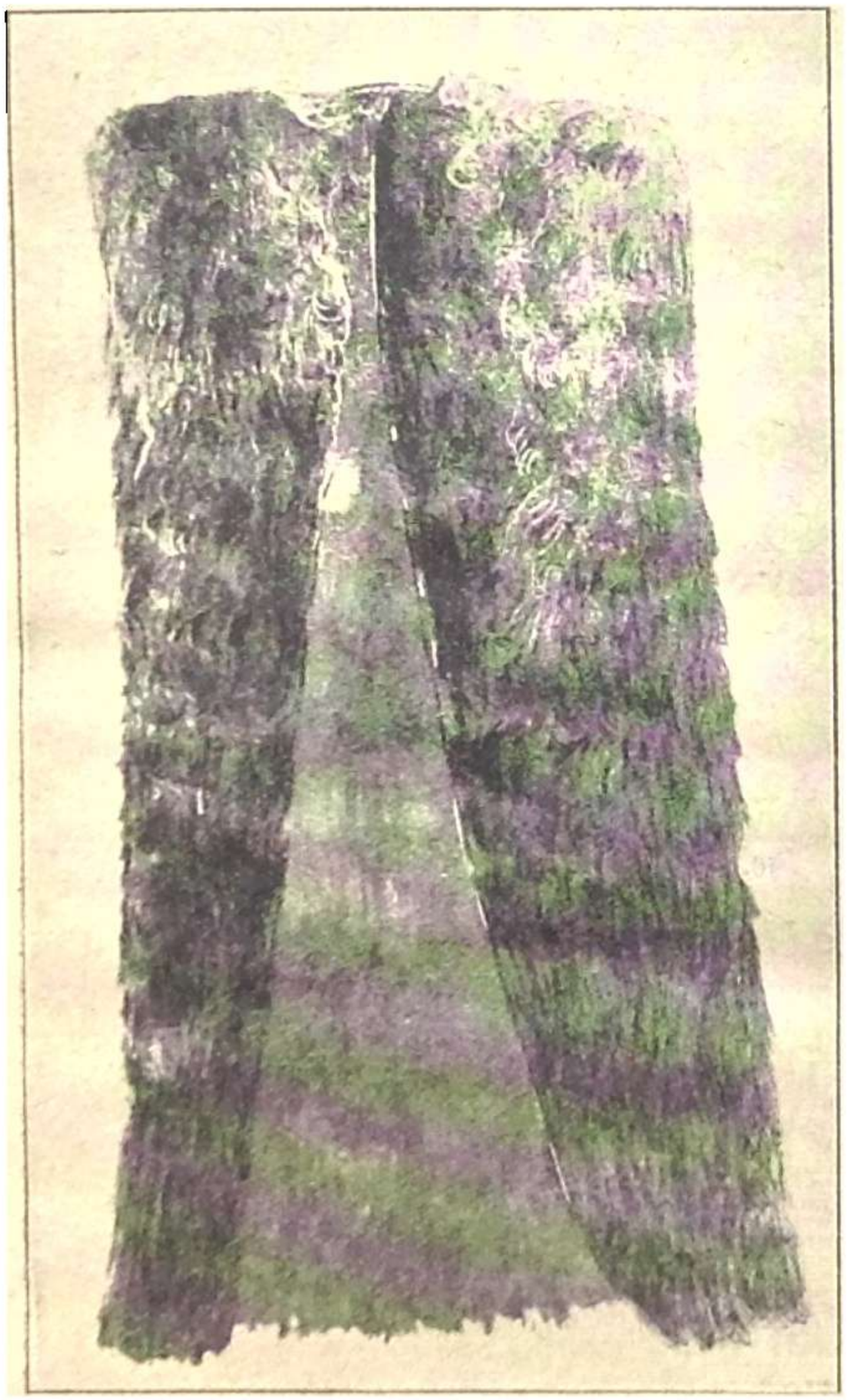

Рис. 32. Кавказская бурка.

цвета тесьмой, ее пускают в дело или как летний, легкий „лопух", или как тяжелую темную осеннюю шляпу. Такую шляпу можно видеть у всех горцев Северного Кавказа, а в последнее время она стала проникать и к казакам. Из двух видов — это надо отметить — летние сорта шляп, так называемые, „лопухи", лучшие удаются горским мастерам,

и они находят хороший сбыт на рынках кавказских городов: Владикавказа, Нальчика, Пятигорска и др. Что касается зимнего сорта шляп, то он не так красив и не так мастерски изготовляется и своей крепостью и прочностью не соответствует своему весу и плотности.

Большого искусства и совершенства достигли горцы и горские мастера в изготовлении зимних мужских головных

Рис. 33. Горцы в различного вида (покроя) папахах.

уборов — известных на всю Россию кавказских папах. Покрой и форма кавказской папахи также незатейливы, однако, не лишены известной стильности и своеобразной красоты, которые удачно гармонируют с общим характером одежды и вооружения горца. Обычная форма папахи северо-кавказских горцев — это меховой цилиндр, овчиной наружу, с теплым суконным дном. Мех укрепляется на подкладке, которая, смотря по качеству и ценности самой овчины, то дешевле, то дороже (бумазея, сатин и т. п.), и, смотря по требованию заказчиков и рынка и будущей стоимости папахи, простегивается то на шерсти и войлоке, то на вате, а то и просто на пеньке. Прослойка подкладки вместе с ватой, смотря по вкусу покупателей и заказчиков, бывает разной толщины и веса. Одни любят папаху мягкую и легкую, другие требуют, чтобы она была тяжелая, крепко и плотно простеганная и вместе с верхом представляла настоящий цилиндр (см. рис. 33). Ворх у папах такого рода обычно плоский,

верх у папахи мягкого типа слегка конусообразный, иногда, у казаков заканчивается маленькой кисточкой. Верх обычно сшивается из четырех кусочков, под прямым углом, иногда по краям шва прошивается шнурок, а у нарядных шов закрывается и позументом. Обычный мех для кавказской папахи,—неизменный кавказский баран, то белый, то черный, то коричневый. Богачи и щеголи носят папахи из меха текинской бухарской овцы и каракуля. Изготовлением папах, так же, как и шляп и „лопухов", у горцев занимаются женщины, которые и фабрикуют их в меру домашней потребности, и купить папаху в горах при надобности не так-то легко, если у вас нет кунака или просто хорошего знакомого. Последнее время среди горцев стала складываться особая профессия специалистов-шапочников, которые, поселившись в городах Северного Кавказа, с успехом фабрикуют свой товар на разные цены и вкусы и с выгодой продают его не только туземным щеголям и модникам, но и русским кавказским уроженцам, из каковых самыми многочисленными покупателями являлись терские казаки, почти до мелочей усвоившие костюм, обувь и головной убор северокавказских горцев.

23. Скотоводство (крупный рогатый скот).

Скотоводство, так же как овцеводство, повсеместно распространено на Северном Кавказе, хотя и в меньшей степени. Это можно объяснить тем, что корова дороже и прихотливее овцы и не всегда может найти себе корм там, где будет сыта овца. Кавказская порода крупного рогатого скота, так же, как и овца, отличается своим внешним видом и величиной от русской. Горский скот мельче, встречаются коровы не больше 5-ти четвертей вышины и соответственно малой длины, масть светло-желтая или темно-желтая. Вечные передвижения с места на место в поисках корма, частые, если не постоянные его недохватки, пребывание большую часть года и во всякую погоду на открытом воздухе—все это сделало из кавказской коровы какого-то жалкого заморыша. Она совсем не дает молока без теленка, да и с теленком в самую молочную пору удой с нее редко больше четверти ведра. Эта четверть задолго до „сухостоя" начи-

нает сильно сокращаться и падает до 3-х и 2-х стаканов в день, а сухостой ее продолжается 4—5 месяцев (и 2—3 недели у „немки“). Помимо всего сказанного кавказский скот малосилен и, как мелкий, всегда полуголодный, мало мясист, вот почему всюду среди горцев наблюдается стремление изжить местную породу рогатого скота и заменить ее или швейцарской, или немецкой, или по крайней мере коровой русской породы. Однако, ни „немка“, ни „швиц“ не приживаются на горах, и западные горцы-черкесы и кабардинцы уже лет 50—60 тому назад начали разводить у себя породу так называемого черноморского скота, хотя и этот по молочности мало чем отличается от туземного, но зато более крупен, мясист и силен.

Если горец живет в горах, то скот его—и крупный и мелкий—почти круглый год бродит и маячит у него же на глазах. Если же он живет на плоскости, то излишек, за исключением дойных коров, он стремится вместе с овцами н лето отправить куда-либо в горы, где не так жарко, и корм более свеж и обилен. Как общее явление, можно отметить, что на ряду с овцами каждая горская семья, даже самая бедная, всегда имеет у себя во дворе 2—3 коров, молоком и сыром от которых и пользуются, если не взрослые, то дети. Использование крупного рогатого скота у горцев не менее разнообразно и продуктивно в сравнении с овцой и бараном. Рогатый скот, бык, а иногда и корова, являются в горах незаменимой гужевой силой, на них перевозят тяжести в арбах, особенно при переправе через брод. На них пашут тяжелую, глинистую, каменистую почву, на них, при помощи саней в летнюю сухую пору горец со страшной крутизны тащит сено, при надобности он режет этого самого быка и питается им сам и семья его. Шкура быка в сыромятном виде, слегка отбитая от шерсти, идет на разного рода кожаные поделки и особенно грубые пастушеские лапти. И, наконец, продукт коровы—молоко имеет широкий спрос во всех видах и у самих горцев, и на городских рынках, но об этом в следующем разделе.

24. Молочное производство.

На ряду с коровой горцы доят также и овец и коз. Нежное и жирное молоко последних редко употребляется

в пищу в его естественном виде, но перерабатывается в сыр. Также немедленно перерабатывается в сыр и коровье молоко, почему в горском доме, даже наиболее зажиточном, вы редко найдете молоко в обеденные часы. Приготовление сыра не отличается ни особой замысловатостью, ни надлежащей чистотой и почти у всех туземцев Кавказа часто совпадает до мелочей. Опишу, как происходит его приготовление у хевсуров, народа наиболее консервативного и примитивного.

Вечерний удой от коров, процеженный через тонкий хворост, который тут же висит над очагом и заменяет нашу сетку, сливается в поместительные сосуды, по большей части медные и чугунные котлы, в которых молоко и остается до утра. Также поступают и с утренним удоем, собирая его в один какой-либо сосуд. Дав отстояться утреннему удою (вечерний уже отстоялся за ночь), снимают с него сливки в особую посуду. Снятие сливок происходит самым примитивным путем. Наклонив слегка котел, женщина или девушка теми же немытыми руками, которыми она только что хваталась за грязные хвосты коров и другие предметы, сгребает верхний слой молока в отдельную посуду. Снятое молоко в котле слегка подогревают над очагом, а затем, опустив туда сычуг (внутренность животного), выжимают его, после чего минут через 20 молоко сворачивается и белок превращается в комья, комья эти растираются и молоко опять подогревается и сворачивается, сыр отделяется от сыворотки и формуется обычно в небольших плетеных из ивовых прутьев формочках, на подобие русских владимирских раскрашенных чашек. Сыворотке дают отстояться, отчего остатки белка ее еще раз сворачиваются, их окончательно отделяют от сыворотки и готовят из них низший сорт сыра, совершенно без жиров, известный под именем „брынза“. Овечье молоко не снимают и готовят сыр из цельного неснятого, почему овечий сыр на Кавказе ценится выше коровьего, он нежнее и жирнее. Полученные формочки сыра некоторое время остаются под прессом, затем, их складывают в бочки, заливают рассолом и, выдержав в нем известное время, отправляют на рынок. Из соленых, крепких горских сортов, лучшим сыром на Кавказе считается кобийский (сел. Коби, по Военно-Грузинской дороге) и тушинский. Некоторые из горцев, например, кабардинцы и балкарцы,

формованный сыр еще и коптят в надочажном дыме, как бы консервируют его, отчего он приобретает способность не портиться очень долгое время. Одна четверть горского молока дает, примерно, один фунт сыра.

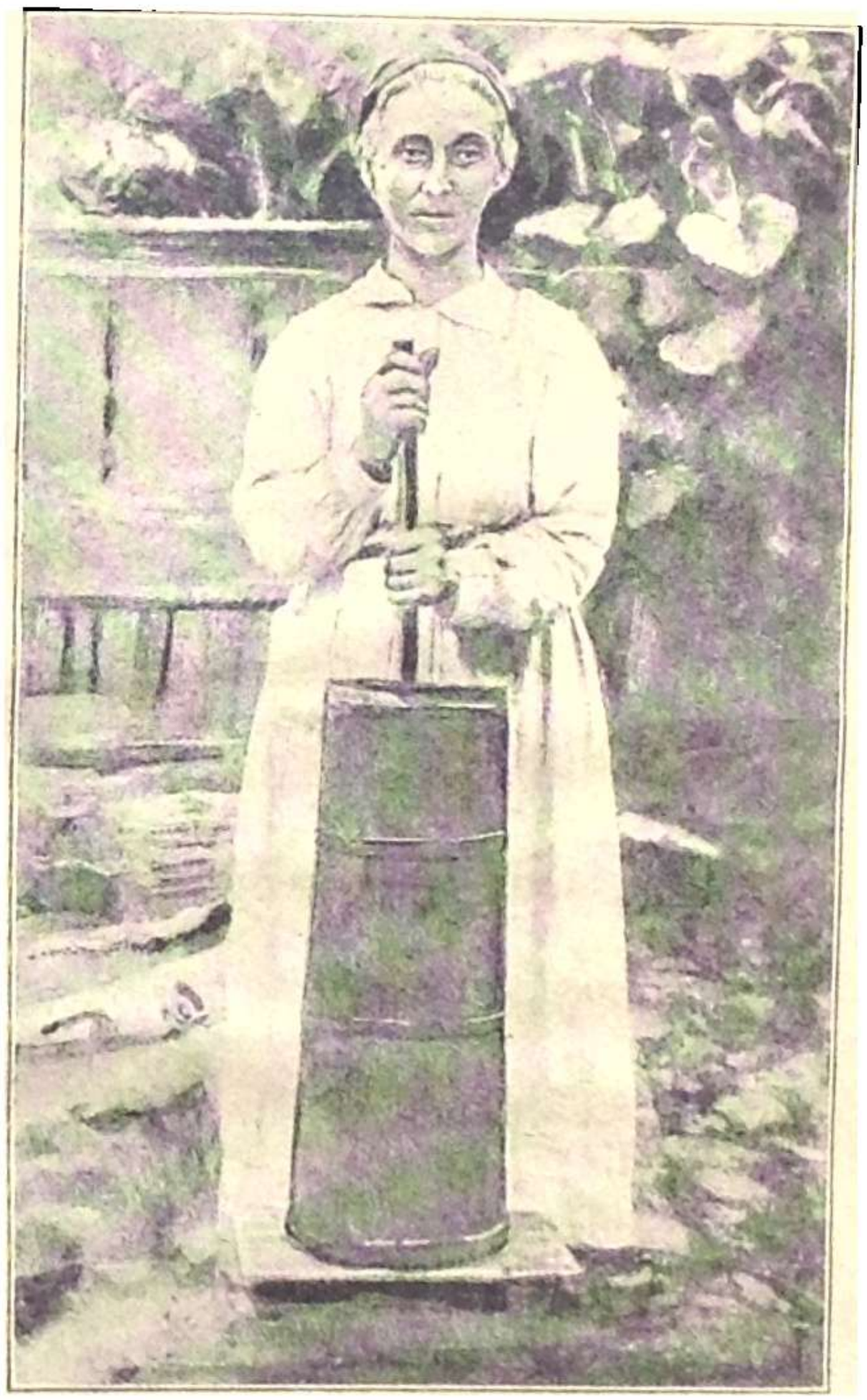

Рис. 34. Женщина-горянка за приготовлением масла.

Когда сливок собрано достаточное количество (10—15 фунтов), они идут на приготовление масла. Аппарат для его изготовления очень незатейлив. Берется высокое деревянное ведро, на подобие улья (чаще всего искусственная дуплянка), около аршина высоты, с плотной деревянной же крышкой. Прилаживают деревянный круг так, чтобы поперечник его был немного меньше внутреннего диаметра поперечника дуплянки (см. рис. 34). В его середину, верти-

кально к его окружности, крепко вставляют деревянную рукоять, продев ее через отверстие крышки. Опуская в маслобойку этот примитивный клапан, вместе с тем надо закрыть дуплянку деревянной крышкой и тогда через отверстие крышки, при помощи торчащей над ней рукояти, взбалтывают сливки, и при равномерной безостановочной работе через $1^1/_2 - 2$ часа сливки превращаются в масло. Горцы редко продают масло в свежем виде, так как им негде хранить его, обычно перетапливают его и большими партиями отправляют на городские и дачные рынки.

25. Коневодство.

Из всех видов животных, известных на Кавказе, конь является наиболее дорогим, в то же время он является наибольшим соблазном для ночных героев, почему каждый хозяин старого времени должен был хорошо подумать, прежде чем сделаться коневодом. Поэтому-то мы и видим, что в прежние годы коневодами были не только наиболее сильные экономически, но и наиболее готовые лично отстоять свое добро от враждебных посягателей. Таким сословием, всегда готовым и нападать, и защищаться, в старые годы считалось военное сословие, сословие узденей и князей. Они и являлись главным образом коневодами на северном Кавказе. У названных мною четырех племен это уздeньское сословие сильнее всего было у кабардинцев, а затем у осетин-дигорцев и тугаурцев. Здесь мы и видим коневодство наиболее развитым.

Как давно появился конь на Кавказе, наукой точно не установлено. Однако, кости коня находят уже в древних кавказских курганах-усыпальницах, насыпанных за 4 — 5 веков до нашей эры. Повсеместное распространение коня мы видим в более позднюю эпоху; в XV—XVI слолетиях нашей эры кавказский конь уже пользовался большой известностью; это, напр., мы видим из того, что когда в половине XVI столетия кабардинцы просили Московского царя принять их в русское подданство и о помощи против крымцев и дагестанцев, то в благодарность за будущее вспоможение они обещали русскому царю ежегодно определенное количество аргамаков (отменных жеребцов). Также хорошо стояло

коневодство у кабардинцев: спустя 70 лет, поздравляя в 1616 г. московского царя — первого Романова — с восшествием на престол, они в подарок ему пригнали 20 отличных заводских аргамаков. Эту славу лучших коневодов кабардинцы сумели удержать до самого последнего времени.

Умеренный, почти теплый климат, обильные травами предгорья, тучные беспредельные степи, все это вместе взятое составило отличные условия для существования лошади на Северном Кавказе. И лошадь сделалась лучшим другом и неразлучным спутником древнего кочевника (номада), каким был в старое время кабардинец. Она была для него все — и средство для быстрого передвижения, грозный союзник при схватке с неприятелем и спаситель при бегстве от более сильного врага; молоко кобылицы — превосходный напиток, и в последний момент — мясо лошади идет в пищу, а крепкая кожа на хозяйственные поделки. Вот чем была лошадь для кабардинца, и отсюда делается понятным та горячая привязанность всякого горца к лошади, которую он питает с юных лет до конца своей жизни. И про кабардинского скакуна, его красоту, силу и ловкость, его выносливость и привязанность к хозяину, среди горцев сложился целый ряд песен, сказок и пословиц. Привожу одну из таких песен, которую записал среди кабардинцев в бытность свою на Кавказе наш поэт М. Ю. Лермонтов (см. его роман „Герой нашего времени“, — „Бэла“).

Много красавиц в ауле у нас,
звезды сияют во мраке их глаз.
Сладко любить их — завидная доля,
но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
конь же лихой не имеет цены,
он и от ветра в степи не отстанет,
он не изменит, он не обманет.

Эта слава кабардинской лошади давно уже перешагнула нынешние скромные границы Кабарды и проникла в самые отдаленные уголки России. По словам женщины-врача, природной сибирячки А. С. М—цевой, лет тридцать тому назад забайкальские казаки распевали песню про лихого коня с кабардинским тавром. Такая популярность лошади не могла остаться незамеченной сторонними наблюдателями и путе-

шественниками по Кавказу; они приглядываются к этой лошади, описывают ее достоинства, зарисовывают ее, а также зарисовывают и тавра лошадей, уже известные нам родовые знаки собственности. Эти причудливые знаки, своей внешностью не менее замечательные, чем сама кабардинская лошадь, также давно уже обратили на себя внимание наблю-

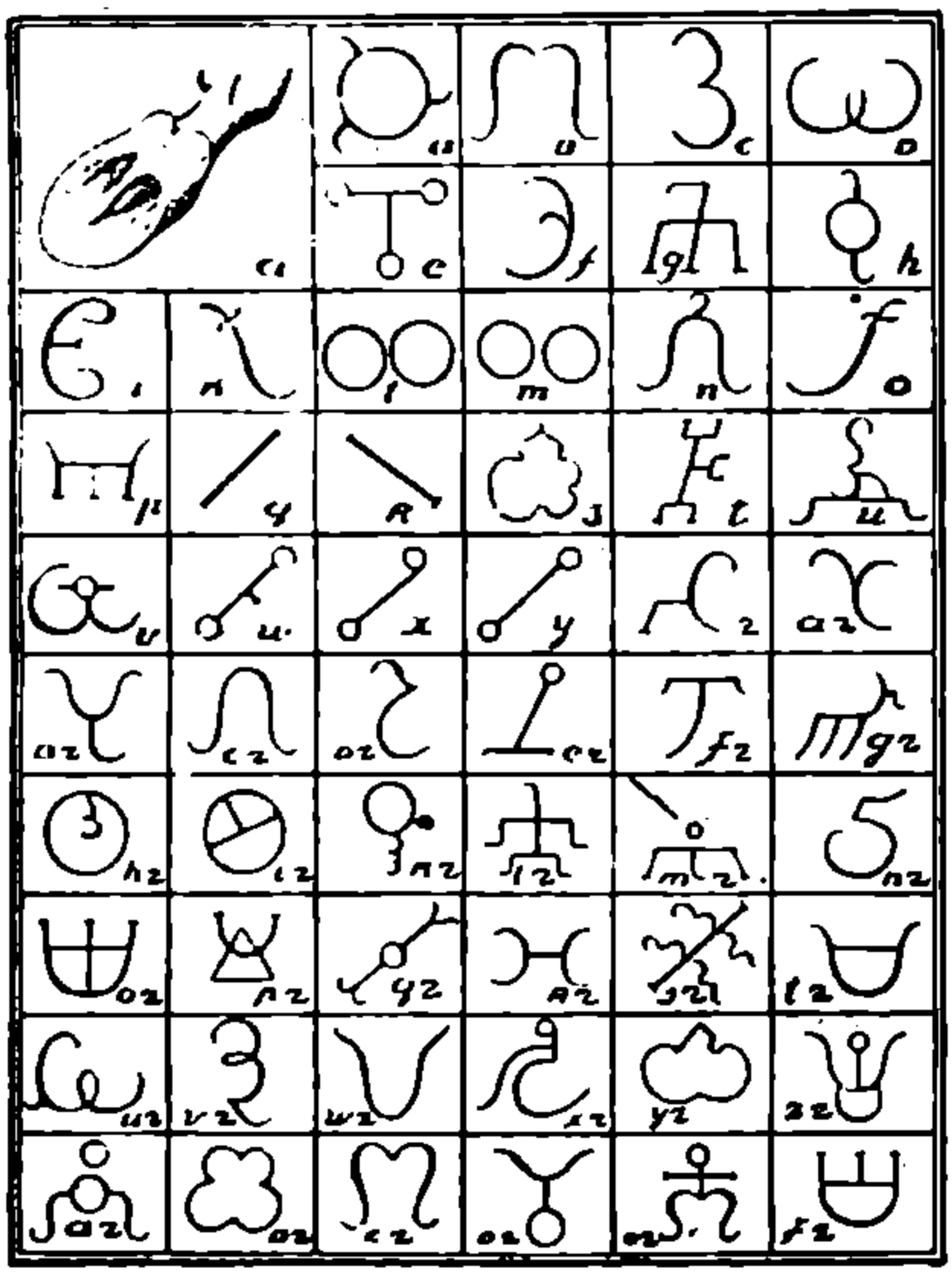

Рис. 35. Старинные кабардинские тавра (родовые знаки) и копыто лучшего кабардинского скакуна завода Шолоха.

дательных путешественников, и академик Паллас еще в конце XVIII столетия зарисовал для науки целый ряд их. К собранию знаков он еще присоединил и рисунки копыта лошади лучшего в его время завода Шолоха. Как видно из рисунка (см. рис. 35) особенность этого копыта заключается в том, что стаканчик его (нижняя часть копыта) представляет собою почти сплошное сросшееся кольцо („стаканчик"), за что лошадь Шолоха и ценилась особенно высоко. В то же время и много позднее большой известностью пользовалась и лошадь завода Лоова и Абазинского. В последние годы,

предшествовавшие мировой войне и революции, сразу выдвинулись несколько заводов и завоевали себе место, если не качеством, то количеством. Наиболее крупный из них— Лафишев — насчитывал в своих табунах до 3000 голов; на ряду с этим заводом большой известностью пользовались также кони тавра Атожукина, Наурузова, Мисостова, Обезьянова, Коцева, Тамашева, Коголкина.

Красивая и изящная внешность кабардинской лошади, всякие легенды про нее давно уже давали думать, что кабардинский конь не местного происхождения. Факты подтверждают это предположение. Глубокие старики в Кабарде, говоря про прежних коннозаводчиков, сообщали, что многие из них полагали задачей жизни, на закате дней своих, сходить или в Сирию, или, по крайней мере, в Карабах, откуда почитали непременным долгом перед родней привести породистого производителя для своего завода. Это было крупное событие для фамилии, и такого коня холили и берегли, как гордость и украшение завода. Многовековой опыт и практика коннозаводчиков создали в Кабарде целую науку о коне и его воспитании, и эту науку родовые традиции коннозаводчиков свято берегут и передают от отца к сыну. Сообщу некоторые места из этого неписанного сборника правил и положений:

1. Правила хорошего заводчика требуют, чтобы на одного породистого производителя приходилось не более 10 маток. Десяток кобылиц с одним жеребцом — это косяк.

2. В интересах завода лучше всего, чтобы каждый косяк, во избежание драки и серьезных обоюдных ушибов жеребцов, пасся отдельно.

3. Не пользоваться жеребой маткой ни в качестве верховой, ни в качестве упряжной лошади.

4. Не снимать производителя из табуна в весенний период ни для каких хозяйственных работ.

5. Объезжать лошадь в трехлетнем возрасте, но не сразу, а в течение двух или трех лет подряд, отпуская после выучки опять в табун на полную волю. Этим достигается большая успешность (в виду молодости и большей гибкости животного) и в то же время не препятствуется молодому животному развиваться дальше и крепнуть.

6. Оставлять в производителях только наиболее сильных, рослых и красивых.

7. Не пускать в случку ранее трехлетнего возраста.

8. Приучать коня ко всякой погоде, оставляя его круглый год на открытом воздухе.

9. Приучать лошадь самоё, своими силами, находить для себя корм и водопой.

10. Приучать заранее к трудным тропам, бродам и переправам.

Вот далеко неполный перечень некоторых правил коневода, твердое выполнение которых вместе с любовью к делу и опытом создали из этой лошади удивительно ценную породу, годную и под седло, и в плуг, и для телеги. Кабардинская лошадь путем купли и обмена, а также путем разного рода родственных связей и т. п., проникла и к уаденям осетинского племени — Кубатиевым, Тлатовым, Тугановым и др., которые успешно, особенно последние, поддерживали славу кабардинской лошади.

Выше, в главе о скотоводстве, я уже упомянул мимоходом, какие мытарства переживает в течение года скот горца, особенно, если он живет еще на равнине. Ту же участь переживала и кабардинская лошадь. Теплая ли зима или холодная, ей было одинаково плохо. В теплую зиму она все время на подножном корму, все время в поисках скудного корма, тощала, голодала, мокла и мерзла. Если зима была глубокая, табуны загонялись в кош—зимний хутор, где они также скудно кормились, грязнились и слабели. При долгой зиме и бескормице слабые представители табуна не выдерживали и гибли, зато оставшиеся и уцелевшие в полном смысле были отборными и тем более ценились хозяином, как испытанные и закаленные. С весной табуны выпускались на подножный корм, где быстро крепли и оправлялись. Вместе с остальными животными лошади оставались на зимовых землях до середины мая, т.-е. до начала жары, с наступлением каковой кони, так же, как и остальной скот, таврятся и немедленно двигаются на летние пастбища. Возвращались лошади с предгорий позднее всех, иногда около 1-го октября (по старому стилю), обычно окрепшие и разжиревшие. Но год на год не походит; чрезмерные засухи нередко нарушают нормальный порядок вещей, нормальную пастьбу, и тогда и летом кабардинской лошади приходится частенько недоедать, и вот тут-то можно

наблюдать изумительную неприхотливость и нетребовательность кабардинской лошади: она ест все, что попадется — чертополох, татарник, всякую дрянь, около которой любая другая лошадь, вероятно, стояла бы, понурив голову. Вот этот закал, эта неприхотливость кабардинской лошади и сделали на нее большой спрос не только среди горцев, но и среди крестьян и особенно казаков.

Наши местные военные власти также давно оценили редкие качества кабардинской лошади и с самого начала XIX в. охотно брали кабардинских скакунов для ремонта кавалерийских частей. Чтобы поддержать в недрах самой Кабарды падающий промысел, царское правительство закрепило за кабардинцами большой участок нагорных пастбищ, так называемые, летние пастбища на Золке в количестве 3000 с лишком десятин. Не довольствуясь сделанным, оно основало близ сел. Ашабово у малкинского скотопрогонного брода при следовании стад и лошадей на Золку, так называемые Ашабовские государственные конюшни. Эти последние имели определенное назначение: путем случки породистых, высококровных и кровных английского и русского рождения производителей с местными матками поднять породу вырождающейся кабардинской лошади. Для означенной цели в конюшне стояло не менее сорока, а накануне войны до шестидесяти производителей. Но сокращение пастбищ, дороговизна наемных служителей-пастухов и объездчиков все более и более понижали выгодность этого промысла, и он падал всячески, и количественно, и качественно. Мировая война, во время которой из кабардинских табунов были забраны на ремонт кавалерийских полков не только лучшие, но и более или менее сносные экземпляры, эта война нанесла кабардинскому коннозаводству тяжелый, трудно поправимый удар. И теперь, после войны и революции, в самой Кабарде нелегко найти настоящую кабардинскую лошадь хорошего завода с кабардинским тавром.

26. Пчеловодство.

Также давно горцы знакомы с пчелой и пчеловодством. Но и этот симпатичный промысел мы наблюдаем преимущественно у черкесов и кабардинцев в частности. Что на-

ванный род занятий давно известен адыгейским племенам, это видно уже из того, что одно из черкесских племен прозывалось „бжедухи“, что значит пчеловоды. За давность этого промысла у черкесов также согласно говорят и народные предания, и донесения военных начальников конца XVIII и начала XIX в.в. Но как полтораста лет назад, так и теперь, он все еще находится в стадии примитива,

Рис. 36. Плетушки или обычные пчелиные сапетки у кабардинцев-пчеловодов.

и жалкая плетенка из тростника (сапетка — по туземному произношению) является господствующей системой улья (см. рис. 36). О рамочных ульях знают только по наслышке, и только несколько лет назад стал проникать к наиболее просвещенным хозяевам рамочный улей Дадана и Ланстрота. При такой системе пчеловодства достать мед из улья мирным путем и безболезненно для пчел невозможно, — пчеляк на каждую сапетку идет с боем, с гнилушкой и серой, оглушает пчел и убивает их. Разбойная система, таким образом, у кабардинских пчеловодов до самого последнего времени (автор наблюдал ее в 1922 г.) является преобладающей. Отобрав сапетки, с точки зрения пчеляка наиболее хозяйственные, он их на зиму закладывает в теплый сухой сарай (подобие нашего омшаника), где они и остаются до весны. Подкормки, контроля и вообще какого

либо ухода не полагается, и пчела (как и лошадь) предоставляется своей судьбе и своим силам. С наступлением весны и тепла, пчелы „выставлялись", и пчела переходила на новый взяток. В старые годы, когда целина была преобладающей, предгорья Северного Кавказа изобиловали медвяной (медоносными растениями) и являлись сущим раем для пчеловода; пчела быстро добрела, червилась, а также и роилась; до начала июня она успевала отроить кроме „первака", также еще „второка", а иногда еще и „третьяка". С наступлением жары, когда зелень и цветы значительно убавляются, пчеловод-кабардинец не тужил и, нагрузив емкими сапетками огромные одры (четырехколесная телега с длинными и высокими лестницами по краям), увозил своих пчел следом за овцами на Золку, где и располагался с ними приблизительно до конца июня — начала июля. Когда трава и цветы подсыхают и здесь, кабардинец-пчеляк двигался вслед за овцами выше и оставался там до конца пастбищного и цветочного периода.

Эта кочевая система пчеловодства при всех своих недостатках и минусах, очевидно, настолько прибыльна, что ее усвоили и русские пчеловоды с более культурными приспособлениями и приемами и ежегодно с наступлением жары перевозят пчел в места более прохладные и медвяные. Эти педолгие хлопоты и некоторые расходы с излишком вознаграждают предусмотрительных хозяев, и в 1921 г., особенно засушливом, мне пришлось наблюдать в Кабарде оба вида этого промысла, кочевое и оседлое пчеловодство, в одном и том же селении у двух соседей. С 40 ульев первый откачал не менее 20 пудов чистого меда и оставил на зиму сильные семьи с хорошим запасом. Второй на моих глазах такое же, примерно, количество колодок совершенно ликвидировал, так как многие семьи еще с лета бросили ульи и слетели прочь, другие хотя и остались, однако, не успели собрать корма даже и для себя. На летних пастбищах на Золке, Куркужине и других возвышениях хозяева-пчеловоды для удобства дела группируются в коллективы в 500 и 1000 ульев и общими средствами нанимают пчеляка, который караулит их и ухаживает за ними в течение всего летнего сезона.

С распашкой целины и уменьшением медоносных растений, к большому сожалению, и в этом полезном и симпатичном промысле наблюдается если не застой, то очень слабое повышение, так, например, душевое потребление меда на человека в Кабарде в 1890 г. считалось 1,8 фунта, а через 24 года, в 1914 году, 1,9 фунта. К осетам и ингушам даже такое примитивное занятие, как пчеловодство, стало проникать только в самые последние годы.

27. Седельное производство.

В тесной связи с коневодством и полукочевым образом жизни туземных обитателей находилось на Кавказе и седельное производство. Этот промысел, и дорогой и сложный, давно уже распался по существу на три самостоятельные специальности, тесно, однако, связанных одно с другим. Эти отдельные специальности — арчаковое (поделка деревянной части в седле), шорное, кожевенно-ременные изделия при седле и кузнечно-металлическое — поделка металлических частей в седле. По всем признакам седельное производство, так же как и коневодство, ведет свое начало с незапамятных времен, но, как более сложное и дорогое, оно никогда не было так распространено, как бурочное или сукноделательное.

Рис. 37. Кавказское (кабардинское) седло.

Лучшими мастерами по изготовлению седел на Кавказе считаются опять-таки те же кабардинцы. Однако, уже в начале 90 х годов прошлого столетия, как ремесло и промысел, оно было сосредоточено только в 3-м участке Нальчикского округа, где по достоверным данным этим промыслом занимались только 100 дворов. Помимо этого,

тогда же в Кабарде занимались изготовлением седел и еще сотни две дворов, но только на досуге, зарабатывая этим в год десятку — другую рублей. В противоположность бурочному и суконному промыслам, сосредоточенным в руках женщин, седельное или арчаковое производство все цело лежало на плечах мужчины, как промысел, требующий значительной физической силы. Хорошее седло, смотря по тому, как оно было отделано и каков был его набор — стремя, подушки и чепрак — ценилось от 25 до 50 руб. и выше (см. рис. 37).

28. Кузнечный промысел.

Кузнечный промысел на Кавказе имеет за собой долгую историю. Различного рода экспонаты из железа, как-то: топоры, ножи, стремена, удила и проч., находят в курганах в очень отдаленную эпоху совместно с бронзовыми и медными изделиями. Форма этих предметов (а конечно и назначение) почти неизмененными дошли до нашего времени, что свидетельствует о большой консервативности и о преемственности мастеров и их учеников. По своему назначению предметы этого круга можно разделить на две категории: вещи и принадлежности домашнего, хозяйственного назначения и предметы военно-боевой, походной жизни. К первой можно отнести предметы, связанные с земледелием и промыслами: лемех, топор, ножницы для стрижки овец и пр., а также — с кухней и очагом: сюда я отнесу железные крючья для подвески бараньих и бычьих туш, вертела для шашлыка, железные подставки у очага, железные надочажные цепи, светильни разного рода, ножи, крючки и вилки для изъятия мяса из котлов и др. мелочь. Все эти предметы вполне удовлетворяют своему назначению и по своей конструкции, и по своей технике обычно очень примитивны; исключение (да и то не всегда) составляют надочажная цепь и фамильный штамп тавра, которые нередко отделываются с большой тщательностью и искусством.

С несравненно большим искусством и мастерством изготовлялись предметы военно-боевого и походного назначения: стремена, удила, кинжалы, шашки и проч. Мастера этого рода давно уже выделились в особые цехи или спе-

циальности: седельно-арчаковый и оружейный, в которых и достигли высокого совершенства. В первом особенно преуспевали кабардинцы, во втором дагестанцы. Оставлю оружейников, как специалистов Дагестана, и скажу несколько слов о мастерах седельно-арчакового дела.

Горские стремена и удила всегда поражали знатоков своей прочностью и изяществом. Они обычно изготовлялись из цельных кусков и холодным способом, что давало несомненную гарантию прочности и надежности в разные решительные и ответственные моменты военно-боевой и походной жизни. До прихода русских каменный уголь был почти неизвестен на Кавказе, и кузнецы и слесаря пользовались при своих работах древесным углем.

29. Деревообделочное искусство.

Также с давних времен был известен горцу и деревообделочный промысел и все необходимые в хозяйстве вещи,

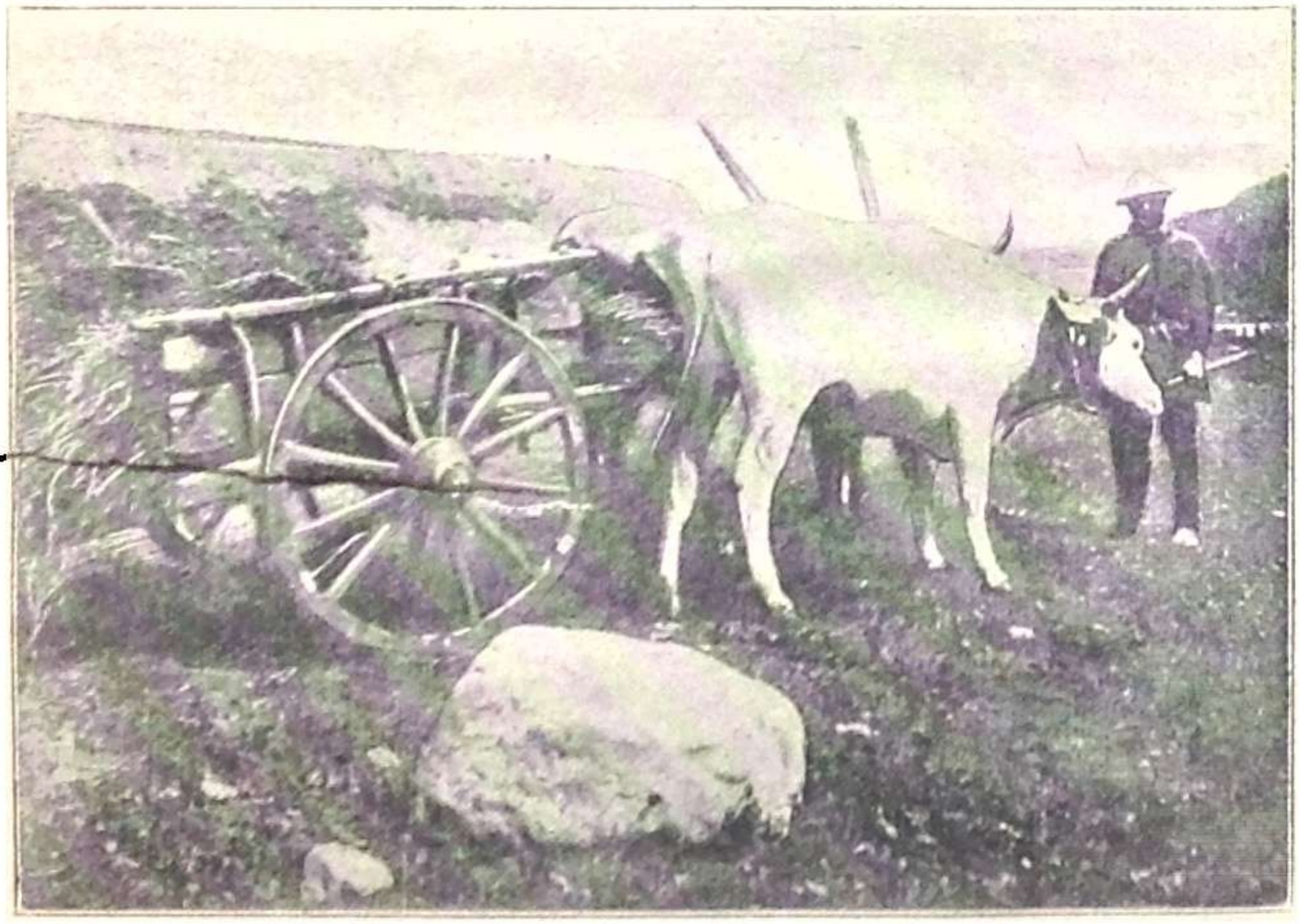

Рис. 38. Горская арба местного производства (Кабарда).

начиная от примитивных предметов, экипажа, орудий сельского хозяйства, кончая ложками, чашками, ведрами, деревянными примитивными замками, даже инструментами му-

зыкального искусства, повсеместно изготовлялись и до сего времени изготовляются самым кустарным способом по всем горным аулам и не на продажу, а для себя. Некоторые из

Рис. 39. Горские пивные чаши и деревянный плоский ковш для вынимания риса и пр.

них, как, например, застольные пивные чаши с особым мастерством изготовляются у осетин и дигорцев, которые в их выработке достигли большого искусства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА.

30. Религия.

Из первой главы мы видели, что эти обитающие ныне бок-о-бок племена и в прошлом, уже до прихода русских, долго жили тесной совместной жизнью и даже некоторые из них имели одно время общее историческое прошлое. Правда, политическое, правовое и экономическое положение этих племен было неодинаково: одни из них были победители, другие побежденные, одни эксплуататоры, другие эксплуатируемые, тем не менее взаимное влияние (особенно победителей на побежденных), экономическое и духовное, было несомненно. Пример на лицо: кабардинцы (имею в виду правящий класс), сделавшись мусульманами, скоро увлекли за собой и своих тогдашних вассалов — осетин, дигорцев и ингушей, которые когда-то были христианами в угоду своим грузинским покровителям, теперь же, будучи зависимы политически и экономически от кабардинских владетелей, эти народности, в угоду кабардинской знати и из материальных расчетов, начали подражать своим новым господам и переходить в ислам. Русские с первого же своего появления на Кавказе повели свою пропаганду и проповедь среди своих новых подданных, почти совершенно равнодушных ко всяким религиям. Несмотря на то, что проповедь, или, как тогда писали, „восстановление" христианства шло бессистемно, неумело, [1] а часто и недобропорядочно, тем не менее были сделаны кое-какие дости-

---

[1] Один интеллигентный партийный осетин подлинно сообщил нам, что его дед из-за денежных вознаграждений, которые выдавались в поощрение каждому новокрещенцу, крестился у различных миссионеров раз десять.

жения. Из осетин была приведена в христианство бо́льшая часть, из кабардинцев незначительная (живут вокруг Моздока) и из ингушей несколько отдельных семей. Остальные удержали мусульманство. Но и те, которые называют себя христианами, и те, которые считаются мусульманами, имеют слабое представление о своей религии и, как исповедовали,

Рис. 40. Двуар Хетага (Плоскостная Осетия). Священное дерево, увешенное добровольными приношениями молящихся: бараньи рога (остатки жертвенных животных), деревянные амулеты, разноцветные ленты и пр

так и ныне исповедуют религию, о которой подчас трудно сказать, что это такое: христианство, магометанство или язычество. Лучше всего сохранилась такая религиозная неразбериха у горных осетин, ингушей и дигорцев и у хевсуров. Например, на ряду с общехристианскими праздниками Пасхой, Рождеством, Троицей и др. мы замечаем у них их собственные исконные праздники их святым (или

Рис. 41. Двуар (джвари) в Хевсуретии.

богам), которых они чтут не меньше, а даже больше христианских. Такими признанными святыми считаются у осетин, например, Уацылла (Илья — святой урожая), Уастырджи, Джор-Губа (святой Георгий), покровитель дорог и путников,

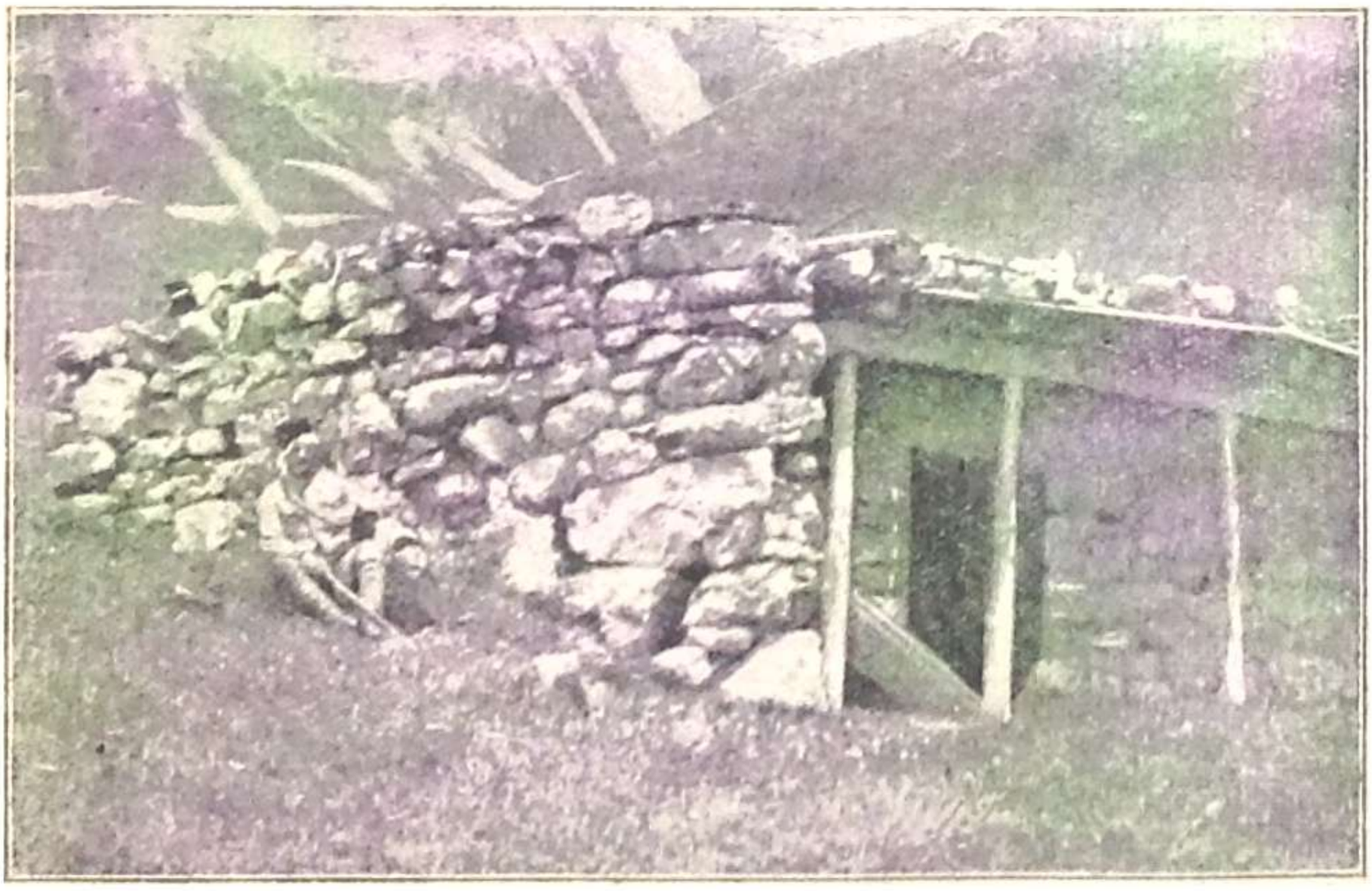

Рис. 42. Двуар-Уацылла. (Дергавское ущелье, Осетия).

Майрѐм Ада́ги, покровительница плодовитости; все эти святые осетин почитаются не только этими последними, но и хевсурами, кабардинцами, ингушами и др. горцами северного Кавказа и Закавказья. Кроме этих, имелись и имеются еще множество второстепенных святых. У тех же осетин — Овса́ти — покровитель диких животных и бог-охоты, Фалва́ри — покровитель стад и пастухов, Алард ы́ — бог оспы и много других. Каждый такой святой непременно

Рис. 43. Преджертвенная молитва дзуар-лага (жреца) сел. Кавадур (Дергавское ущелье).

имеет свое святилище (по-осетински дзуар, по-хевсурски джвари), каковым является или древняя полуразрушенная христианская часовенка, или пещера, или какая-нибудь заповедная роща, или просто одинокое дерево (см. рис. 40, 41 и 42—осетинское и хевсурское святилища). Под сенью этого дзуара ежегодно в день его праздника, который длится иногда несколько дней, совершаются „кувды", жертвопри-

ношения и обеды во славу и в честь святого. К этому дню общими средствами заготовляется арака (водка-самогонка), пиво, откармливается бык и целые десятки, а иногда и сотни баранов, которые режутся и поедаются во время праздничного обеда. Небольшая часть от жертвенного животного в жареном или вареном виде передается жрецу, который, приняв мясо вместе с хлебом и аракой, возносит руки перед собой и читает молитву, прося святого дзуара принять

Рис. 44. Кувд — торжественный обед в честь и славу дзуара ссл. Какадур (Дергавское ущелье).

жертву и исполнить просьбу просящего (см. рис. 43). После этого молитвословия начинается кувд, который, смотря по времени и погоде, иногда происходит на открытом воздухе, иногда под навесом или в закрытом помещении (см. рис. 44).

Наиболее значительными и богатыми праздниками у осетин считается Уацылла (св. Илья), покровитель урожая. Празднества в честь этого святого совершаются через две недели после Троицы и продолжаются целую неделю. Центр этих празднеств—селение Ламур-Дон (Дергавское ущелье). На эти торжества собирается население гор и плоскостей Осетии (все больше мужчины), целую неделю горят костры, жарят и варят баранов, поедаются горы хлеба, выпиваются и разливаются ведра и бочки араки и пива. Один интелли-

гентный свидетель и наблюдатель этого общественного праздника в 1912 г. говорит, что в этом году на праздник Уацылла в Дергавском приходе в 400 дворов было израсходовано:

Баранов — 2000 по 3 р.	6 000 р.
Солода для пива 2800 мер по 1 р. 40 к.	3 920 „
Муки для хлеба 200 мешков по 4 р. .	800 „
Араки (водки самогонки) 1600 ведер по 3 руб.	4 800 „
Нсайпаг — пожертвование по 10 коп. с души с 5000 душ присутствовавших своих и приезжих	500 „
Пожертвования драгоценностями . . .	100 „
Итого	16 120 р.

Расходы косвенные:

В течение 7 дней 2000 трудоспособных гостей пропускают 14 000 рабочих дней, считая только по 50 коп. . .	7 000 р.
800 лошадей плоскостных и местных пропускают в течение недели 7 800 рабочих дней по 3 руб. . . .	23 400 „
Итого	46 520 р.

Вот во что обходились в недалеком прошлом эти празднества народу, и это не считая праздничных расходов на наряды женщинам, не считая поломок и порчи экипажей и сбруи по ужасающим горным дорогам. И праздников подобного рода, хотя и менее разорительных, у горца было немало. К чести осетин надо сказать, что, хотя они и поныне отдают эту дань старине и ежегодно справляют подобные празднества, но уже не так разорительно.

31. Вера в загробную жизнь (обычаи при погребении).

Кому удастся побывать в горах Северного Кавказа, особенно в аулах Балкарии, Осетии, Ингушетии и Чечни, тот непременно обратит внимание на старые горские кладбища и на их, теперь отживающий, обычай погребения. Острый недостаток в удобной земле, вечные тревоги полувоенной,

полуразбойничьей жизни создали особый тип (образец) постоянной семейно-родовой могилы. Она делалась таким образом. Строился в виде часовенки маленький склеп квадратный или прямоугольный у основания, изредка круглый; размеры склепа редко больше трех аршин в длину и ширину. По высоте такие склепы очень непостоянны: иногда он чуть выглядывает своим фасадом из-под откоса, иногда

Рис. 45. Каменный родовой склеп в с. Джинга (Дигория).

достигает высоты до карниза 3 и 4 аршин; обычно склеп увенчивается каменной шиферной крышей — то плоской на невысоких склепах, то двускатной ступенчатой, то четырехсторонней, пирамидальной (см. рис. 45). В склепе проделывался небольшой лаз — окошко, через который протаскивали внутрь помещения покойника и клали его или прямо на пол, или на один из каменных помостов, которые устраивались по обе стороны лаза. Когда в семье появлялся новый покойник, то его несли в склеп и клали рядом с прежними

на полу, а если был в склепе под полом еще и запасный склеп (на подобие колодца), то прежнего (его скелет) сталкивали вниз, а на его место клали только что умершего. В старые годы хоронили покойников в гробах, имеющих подобие лодки, позднее появились обычные гробы, как и у русских. Древний горец верил, что загробная жизнь это есть прямое продолжение земной, только в других условиях; посему, провожая покойника на тот свет, его снабжали по возможности всем, чем он пользовался при жизни, его одевали в новое одеяние, клали с ним оружие — кинжал, шашку и винтовку, клали медную и глиняную посуду с разного рода провизией и напитками, с ремесленником — орудия производства; за мужчиной-воином часто следовали и его жена, конь и собака; и поныне в этих склепах-могильниках можно увидеть и кувшин, и горшок, и старый кинжал, а иногда и надочажную цепь, когда умирал последний представитель рода. Теперь ни жена, ни конь не следуют уже за покойным, даже и в горных трущобах, но сохранилось отдаленное воспоминание об этом обычае; жена-вдова, прощаясь с мужем, отрезает свою косу и кладет ее в гроб на грудь усопшего, в знак того, что она желает оставаться с ним и в будущей жизни; то же и с конем: его посвящают умершему, обведя три раза вокруг могилы, режут кончик уха и бросают в гроб покойного, а затем уводят домой.[1]

С массовым выселением горцев на плоскость у оставшихся перестал чувствоваться прежний острый недостаток в земле и они покидают могилы-склепы и теперь хоронят хотя и тут же рядом с аулом, но по русскому обычаю — в могилах и с надгробными памятниками. Все реже и реже можно услышать завещания стариков похоронить себя в родовом склепе. Последнее такое завещание, о котором мне сообщил священник садонского прихода Стефан Каиров, было в 1920 г. Житель этого прихода, умирая, завещал похоронить себя в дедовском склепе, что и было исполнено родными усопшего и священником, но без всякого сочувствия со стороны родных и близких. Не кладут в могилу горшков

---

[1] У хевсуров до настоящего времени сохранился обычай приглашать на похороны специальных плакальщиц, которые, усевшись в кружок, оплакивают вещи покойного и в преувеличенных чертах восхваляют достоинства и доблести умершего.

и кувшинов, но, однако, еще твердо верят, что загробный мир — это продолжение земного, и совсем недавно, по словам вполне достоверных людей, одна старушка-осетинка положила в гроб к умершей родственнице новые башмаки, чтобы новопреставленная передала их дочери податель́ницы, за год перед этим умершей, а год назад в гроб умершему осе-

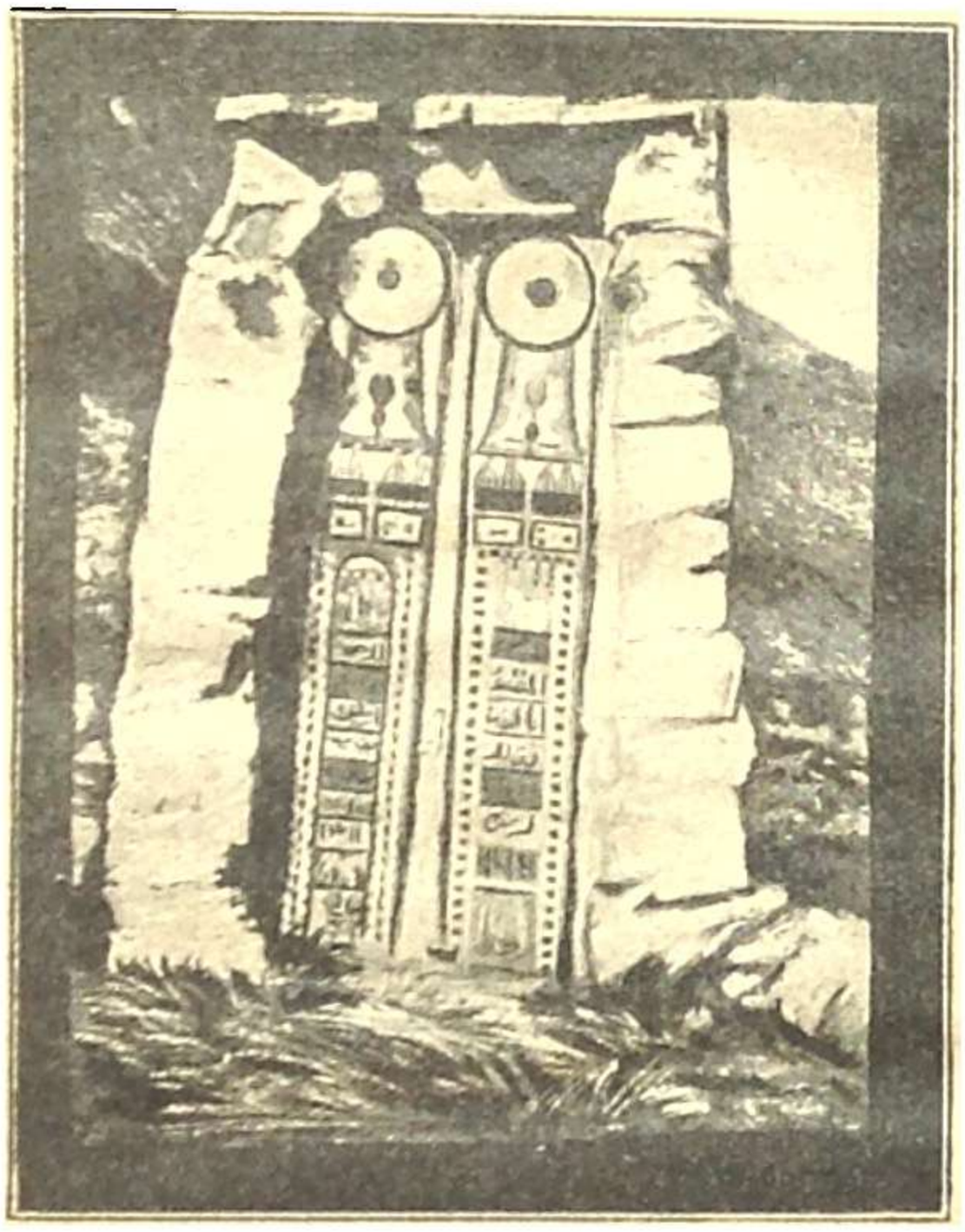

Рис. 46. Каменный памятник над могилой осетина.

тину положили новую папаху (в сел. Новохристиановском) для передачи ее одному умершему юноше, которого похоронили в старой. Теперь на могилах покойников, а иногда в стороне от них, в честь усопшего ставят каменный „цырт" — памятник, на котором изображают все то, с чем имел дело покойный: коня, кинжал, шашку, винтовку, кувшин, таз, иногда рисуют инструменты его профессии: это все вещи, которые когда-то сопровождали покойного в загробную жизнь. теперь же довольствуются только рисунками (см. рис. 46). Так постепенно вырождается старина. Однако, заброшенные склепы и поныне вызывают удивление и у самих далеких потомков, и у заезжих туристов и являются своей архи-

тектуры, и искусством кладки, расположением на солнечную сторону и превосходной вентиляцией, благодаря чему многие похороненные в этих склепах покойники отлично сохранились до настоящего времени (см. рис. 47). После похорон усопшего в его честь и память полагается „хинк“

Рис. 47. Высохшая голова женщины. Мумия из склепа Сапиба (Дергавское ущелье).

(поминки); устраивались скачки и разыгрывались вещи покойного, а родственники и знакомые умершего кормились богатым обедом, на который расходовались (случается и теперь) десятки баранов, целые горы хлеба, котлы пива и ведра араки. Чем больше будет съедено на таком обеде, тем, по мнению горца-осетина, лучше будет чувствовать себя покойник на том свете, и нет ничего для горца более обидного, как услышать брань такого рода: „пусть твои предки голодают“.

32. Кровная месть.

Обычай кровной мести есть явление общее среди всех горцев Северного Кавказа и Закавказья и является прямым порождением его религиозных верований. Сущность этого кровавого обычая заключается в том, что ближайший родственник убитого — сын, брат, отец, дядя или племянник — обязан отомстить убийце или его ближайшему родичу; до тех пор, пока не произойдет этого ответного убийства, пока не будет смыта кровью кровь и мститель не скажет над могилой убитого: „я отомстил за тебя“... — убитый не имеет за гробом ни счастья, ни покоя. Таким образом, кровная месть есть не только не преступление, но, наоборот, хорошее, доброе дело, а мститель в глазах ближних — герой, который успокоил тень убитого и смыл кровавую обиду со всего рода. Если древняя полуязыческая религия, со всеми суевериями и всем религиозным культом (обычаем, укладом) сохранилась лучше всего у осетин, то кровная месть со всеми присущими ей суровыми обычаями, *лучше всего удержалась в Ингушетии*. Я и расскажу здесь, как происходит и развивается этот суровый пережиток у названной народности.

Раз произошло несчастье в ссоре или нечаянно (это все равно) и убитый или раненый на лицо, виновный (отныне он и все его ближние делаются „кровниками“) не ждет родных убитого для объяснения или извинения, — он ищет спасения. Если дом недалеко, он спешит к себе, нет — он бежит в ближайший двор (не беда, если хозяин незнаком) и, явившись к владетелю, спешно рассказывает о своем деле и требует от него защиты и покровительства. Это тяжелый долг гостеприимства, но не исполнить его нельзя. Вечный, несмываемый позор упал бы на голову хозяина, который не пожелал защищать несчастного и выдал его преследователям; и он сам, и его род будет считаться, как чумный, с ним никто не дружит, не роднится, избегают деловых сношений. Он политический мертвец. Хозяин дома, приняв гостя и ознакомившись с делом, спешно принимает свои меры. Зная, что за убийцей будет немедленная погоня, он вооружается и сзывает родных и друзей. Погоня не замед-

ляет. Преследователи, вооруженные до зубов, с шумом и криком бегут по пятам убийцы, окружают дом укрывателя и с угрозой и проклятиями требуют преступника. Если покровитель обнаружит слабость и нерешительность, преследователи врываются в дом, разыскивают виновного и убивают его. Но если хозяин всем своим видом показывает, что он скорее погибнет, нежели выдаст гостя, мстители остывают и вступают в переговоры. Прежде всего они требуют за переполох, корову или быка, „ве“, что значит боевой бык, бык войны, которого тут же режут, варят и поедают и кровники, и друзья покойного, и просто охотники до даровго угощения. На другой день со стороны убитого являются старики и начинаются предварительные переговоры — соглашение, и покровители за укрывательство обычно уплачивают штраф до десятка коров и быка (важно слово, а обещанный штраф может быть уплачен постепенно, в рассрочку); за сим уплачивается третья кровная повинность, в погашении каковой принимают участие все кровные родственники до 10-го поколения и платят в зависимости от родства от 10 коров до одной. Эта третья повинность является как бы умилостивительной данью, чтобы родные убитого, пока что до известного срока, до примирения, не мстили, а срок этот может настать не раньше года. Трудно сказать, что, для родных убийцы легче: уплачивая эту кровавую дань, они сплошь и рядом разоряются до нитки, не уверенные, что они предупредят этим новое убийство, а не уплачивая они находятся как в осадном положении. Боясь встретиться с многочисленными мстителями убитого, которых они часто даже не знают в лицо, они запускают свои дела и свое хозяйство, беднеют и разоряются. Чтобы изыскать средства на покрытие этих тягостных расходов, многие пускаются в сомнительные операции, делаются ночными ворами и грабителями, нарываются на новое убийство или гибнут сами, и вот начинается новое, бесконечное кровавое дело... Наконец, по прошествии года, является возможным (по обычаю) и позволительным начать переговоры о полном примирении. Стараниями благоразумных посредников и с той, и с другой стороны родные убитого, обычно, идут на уступку. Назначается цена крови (случалось до 130 коров) и день примирения.

В назначенный день убийца и его родные с непокрытыми головами, безоружные, в сопровождении огромного количества народа, предшествуемые муллою, идут на двор пострадавшего. Здесь виновные становятся на колени и в этой унизительной позе ждут, пока отец или брат убитого не скажет своего последнего слова. Мулла и его ученики затягивают жутко-заунывные стихи из корана, которыми стараются разжалобить мстителей и склонить их к примирению. Женщины, родственницы убитого, которых немало набирается по этому случаю в дом, подымают пронзительный плач и вой, плачут и виновные, опустив головы и не смея поднять глаз [1]. Наконец, выдержав известную паузу, ближайший мститель, отец или брат, который стоит в это время, как каменный, у порога своей сакли, сопровождаемый младшими членами, приближается к кровникам, быстро проходит по их ряду и, положив каждому руку на голову, говорит одно заповедное слово: „прощаю"; „прощаю" — повторяют за ним и его младшие члены. После этого виновные с просветленными лицами подымаются с колен. Затем совершается обряд побратимства. В чайный стакан или иную небольшую посуду льют молоко и кладут серебряную монету, в присутствии всего народа молодежь обеих сторон попарно отпивает молока, и отныне они молочные братья и, как родные и кровные, должны стоять один за другого и помогать друг другу. В заключение мулла читает молитву, и собрание расходится... Таков этот суровый кровавый обычай, от которого страдали и ныне еще страдают и отдельные лица, и их односельчане, а нередко и люди, не имеющие никакого отношения к этой кровавой племенной неурядице.

В объяснение этого сурового обычая надо сказать следующее. Кровавая месть не столько акт злой воли, сколько стремление, с одной стороны, восстановить нарушенное экономическое равновесие от потери здорового, трудоспособного работника, а с другой — путем публичного взыскания тяжелого и разорительного штрафа за кровь убитого и унижения его рода — дать суровый и поучительный урок всяким

---

[1] Автор описывает этот обычай примирения, как он сам его наблюдал в селе Гамуршеве осенью 1920 года.

другим горячим головам. Вообще же нельзя отрицать, что горец самолюбив и проникнут большим уважением к собственной особе и никому, никогда не позволит наступить себе на ногу. Поэтому он жестоко мстит за оскорбление матери, сестры и жены, и немало наших русских мужиков, солдат и красноармейцев за свою „матерщину“ нашли себе могилу по кавказским городам и захолустьям...

33. Суд и расправа.

Однако, было бы несправедливо думать, что горцы не знают никакого суда и никакой другой расправы, кроме— „око за око“. Даже такой порядок, освященный веками, как „кровь за кровь“, народные обычаи стараются всячески сократить и ограничить злобу кровников-мстителей.

Но, кроме событий уголовного характера, у горцев, как и у всякого другого народа, жизнь создает немало дел и фактов общего или гражданского порядка. Как те, так и другие, после ряда недоразумений (и даже кровопролитий) разрешаются в конце концов горским судом, посредниками от обеих сторон, по старине и ее адатам (обычаям) даже и в том случае, если такое дело уже прошло через коронный суд. Привожу несколько таких адатов (обычаев) и решений из практики осетинских (народных) словесных судов, собранных и записанных С. Каргиновым[1].

1. При каких бы обстоятельствах ни совершилось убийство, какие бы к тому побудительные причины и мотивы ни были, оно всегда влечет за собой кровомщение.

2. От мести за кровь не освобождается никакой убийца, хотя бы это он совершил при необходимой обороне, в состоянии крайней необходимости, запальчивости или раздражения, будь он несовершеннолетний, мальчик или сумасшедший.

3. Убийство женщины непозволительно и недостойно человека, потому что она существо низшей крови, по сравнению с мужчинами, и ничтожное по своему значению.

4. Если кто с очага снимет цепь и выбросит ее на улицу или же повесит на шею какого-нибудь скверного живот-

---

[1] Каргинов. Кровавая месть у осетин. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44-й.

ного: кошки, собаки, осла, то он подлежит преследованию, как кровник, если не уплатит обиженной стороне выработанной посредниками на сей случай платы.

5. Всякое неуважительное отношение к предметам семейного культа, как-то: раарытие могил, оскорбление их какими нибудь символическими действиями, в роде посвящения им кошек, собак и ослов, влечет за собой кровомщение, почему виновный в этом должен примириться с обиженной им стороной.

6. Нанесший оскорбление замужней женщине или девице подлежит мщению, если не примирится с ее родственниками и не уплатит им за это.

7. Убить кровника позорно и недостойно, если он, ища спасения, скроется в ограде молельни какого-нибудь дэуара (святого).

8. Кровник, дотронувшийся губами до сосков груди матери убитого, делается молочным братом покойного и его живых братьев, почему, как родственник, не подлежит более мщению за кровь.

9. Примирение должно состоять в том, что убийца и все его родственники, сколько бы их ни было, в условленное время собираются во двор убитого и здесь, став на колени, просят прощения у родственников последнего, которые также должны быть в сборе.

В сел. Гамурзиеве (ингуши) нам сообщили адаты такого рода: если вор зайдет ночью в чужой двор за недобрым делом и упадет в яму на дворе и вывихнет или сломает ногу, то он хозяину двора предъявляет иск за лечение ноги и убытки. Если украденный конь во время бегства вора сбросит и убьет его, то хозяин коня отвечает за смерть и несчастье, происшедшее с вором, и делается кровником, буде не пожелает уплатить за кровь.

На ряду с убийцей преследуется и прелюбодей. В отношении к последним существует такой обычай (у осетин): если кого застали на месте преступления, то с него снимают штаны и на утро вывешивают на показ на самом видном месте. Это считается высшей мерою и падает неизгладимым позором на виновного и его род, которые с этих пор называются „сыдзаг-арговст“, т.-е. бесштанные. Брать же с прелюбодеев вознаграждение, как осквернителей семей-

ного очага, обычай воспрещает строго, это считается великим позором в обществе. Однако, чтобы на будущее время положить конец могущему быть между сторонами раздору, обычай требует, чтобы прелюбодей, как дитя, взял в рот обнаженную грудь виновной в прелюбодеянии женщины, назвал ее всенародно своей матерью, а себя ее сыном и поклялся впредь более не питать к ней порочных чувств. Не менее грубо обходятся и с женщиной-прелюбодейкой. Ее сажают на осла лицом назад, дают в руки хвост осла и водят по улицам аула. Это, конечно, делается с той целью, чтобы все видели нарушительницу общественной нравственности.

Образцы народных решений горского суда.

Дзахаттга Бекузаров заехал на ишаке в сел. Миаур погостить к своему кунаку. Один мальчик, увидав праздностоящего осла, вздумал покататься на нем. Ишак понес мальчика по горной тропе и сбросил его в пропасть, отчего шалун и умер. Суд постановил взыскать с Бекузарова в пользу родителей убитого мальчика за кровь 1200 руб. и сделать угощение.

Жители сел. Урсдон, Челохсаев и Дзанаев, поехали в лес за дровами. Снял заряженное ружье, Челохсаев положил его в повозку на сено. Лошадь Челохсаева как-то задела курок берданки, отчего раздался выстрел. Пуля попала Дзанаеву в сердце, отчего он тут же и скончался. Между сторонами состоялось примирение, в силу которого словесный суд постановил: Челохсаев уплачивает родственникам убитого Дзанаева за кровь 1800 руб. и кроме того должен устроить им угощение. Решение было выполнено.

Вот, образцы из огромного количества обычаев и народных решений, которые мы смело можем назвать неписанным сводом законов. Как сами адаты, так и решения народных судей нередко поражают читателя не только оригинальностью, но часто и неожиданностью... Но горцы, скрепя сердце, мирятся с этими решениями, так как в конечном счете они (народные постановления) все же примиряют враждующие стороны, а худой мир, с их точки зрения, лучше доброй ссоры.

34. Гостеприимство.

Общим для всех кавказских горцев является обычай гостеприимства. Опасные, тяжелые горные дороги, отсутствие общественных и частных учреждений и предприятий в виде гостиниц или хотя бы постоялых дворов породили молчаливый, как бы негласный договор, сущность которого — обязательная, внимательная заботливость домохозяина о возможном удобстве и безопасности гостя, раз таковой зашел к нему. Эта взаимная услуга покоится на двух основаниях — на житейски-практическом — „что посеешь, то и пожнешь“, и на религиозном — „гость есть посланник божий“. „Нам каждый гость дается богом“, поет старинная грузинская песня, вследствие чего на Кавказе создался целый круг легенд, описывающих страшное наказание хозяев, осмеявших или оскорбивших гостя. С выселением горцев на плоскость и с общей европеизацией и нивелировкой, этот добрый обычай начинает падать, но в глухих горских захолустьях вам и сейчас могут предложить после дороги омыть ноги, что, например, отметила в своих записках известная альпинистка М. П. Преображенская в Закском ущелье, что автор наблюдал и сам в сел. Ногкау в Дигорском ущелье. После того, как гость, поужинав, укладжется спать, женщины-хозяйки осматривают его чулки и чувяки, и, если они продырявились, тщательно чинят их и приводят в порядок. Ни словом, ни жестом хозяин не покажет гостю, что последний ему в тягость, но гость и сам хорошо знает адат и никогда не засидится более трех дней. Выпроводив из дому, кровный и аластный хозяин, там, за чертою аула, быть-может, и сам примет участие в ограблении своего вчерашнего гостя, но пока он под его крышей, его честь и безопасность обеспечены. У кабардинцев, особенно у их уздеией (дворян), заботы о госте шли еще дальше; там домохозяин для случайного гостя делал специальное помещение — кунацкую (кунак — приятель, друг), где заезжий гость и располагался по своему усмотрению, не стесняемый хозяевами и в свою очередь не стесняя их. Покидая гостеприимный кров, гость вырезывал на память на дверях кунацкой свое тавро, родовой знак собственности, конечно, если таковой у него имелся (см. их

изображение выше), почему от времени дверь кунацкой являлась собранием (коллекцией) целой массы этих загадочных иероглифических знаков; чем больше дверь была исписана такими каракулями, тем больше было чести хозяину, ведь это было свидетельством широкой известности, популярности и гостеприимства хозяина.

35. Брак, калым и положение женщин у горцев.

До самого последнего времени женщина у горцев была и остается опекаемым и неполноправным существом. Ее первое появление на свет — это огорчение для матери, это — затаенное горе для отца, который ожидал сына, и она растет нежеланная и виноватая с первых дней своего существования. От малых лет и до старости она находится под непосредственной опекой сперва отца и братьев; если их нет, — дядей, по замужестве она находится под строгим надзором мужа и его родных, а если овдовела, то и вновь под надзором и родных мужа, и своих, которые, в случае ее вольного поведения, не остановятся перед самой репительной мерой для предупреждения дальнейшего бесчестия их рода. Она невольна в устройстве своей судьбы и своего счастья, ее отец еще ребенком мог из материальных соображений обручить ее с женихом, о котором она даже не подозревает, и женой которого она тем не менее делалась неукоснительно по ее совершеннолетии. Если ей посчастливилось вырасти свободной, не связанной никакими узами девушкой, то отец, братья, считаясь очень мало с ее вкусами и симпатиями, могли выдать ее замуж за первого, предложившего наибольший калым (выкуп за невесту), но, если отец и мать, любя дочь, не желают торговать ею, то и тут она не уверена в своем благополучии. Жених, оскорбленный отказом, подговорив своих доброжелателей, ворует ее против воли родителей и против ее воли делает ее своей женой, уверенный, что родители силой обстоятельств должны будут примириться о совершившимся фактом, что действительно и происходит. Родители, не желая поднимать бури и наживать врагов, вступают в переговоры с родными жениха, условливаются о калыме и задним числом справляют свадьбу. И обручение в детстве и похищение считалось

явлением ненормальным, но женитьба с уплатой калыма (в переводе на деньги от 100 до 500 руб. и больше) практиковалась до самого последнего времени.

Как только калым (или большая часть его) уплачивался, родители невесты готовились к свадьбе. Варились ведра араки, целые котлы пива, резалось несколько голов крупного и мелкого скота и устраивался пир, на который приглашались родичи и знакомые родителей. По окончании пирушки, попрощавшись с родными и дедовской святыней, надочажной цепью, невеста в сопровождении шаферов едет в дом жениха и в первую очередь отправляется в саклю к очагу, где и приветствует духа нового очага и надочажной цепи, прося взять ее под свое покровительство. Но только что она покончит с этой церемонией, как одна из старух, сидящих у очага, подставляет ей ногу в чувяке и этим молчаливым жестом указывает ей смазать чувяки,—в руки невесты подают кусок сала, и она, наклонившись, мажет чувяки,—только что она хочет подняться, другая старуха подставляет свою ногу и требует смазать чувяки ей, там третья и четвертая и т. д. А в это время, пока она занята этой грязной и унизительной обязанностью, одна из женщин, наполнив блюдце медом, берет оттуда пальцем мед и смазывает губы невесты — знак того, что не все ей в будущем труд и горечь, будут и сладкие минуты [1].

Однако, этих сладких минут в жизни женщины-горянки было очень мало, и вся ее дальнейшая жизнь в доме мужа, особенно осетина-горца — подневольное и зависимое положение до самой старости. Она не смеет заговорить с мужем в присутствии старших, а если надо что сказать или спросить, то говорит только шопотом. Она ложится позднее всех и встает раньше всех, чтобы раздуть очаг, приготовить чурек и завтрак, она питается только в третью очередь,— сперва свекор, затем муж с братьями и только после них женщины, и питается теми остатками и крохами, которые остаются после двух очередей. Она везет зерно на мельницу, тащит дрова из леса, ткет полотно, шьет чувяки и папахи, катает бурки и войлоки и пр. и пр., словом, она должна быть мастерицей на все руки и все первобытное

[1] Последняя сцена взята из осетинской свадьбы, но подобные же символические обряды можно наблюдать и у других горцев.

натуральное хозяйство горца в значительной степени лежало на плечах горянки. Лучше положение женщины у ингушей и хевсуров; у них женщина держится свободнее в присутствии старших, говорит нормальным голосом и не тянется в струнку перед мужчинами, а у хевсуров она даже обедает за одним столом вместе с мужем и прочими членами семьи. Однако, у этих же хевсуров сохранился такой варварский пережиток, который показывает, что и у них

Рис. 48. Женщина-хевсурка в „нечистом состоянии“ (во время месячных очищений) около своей конуры.

взгляд на женщину немногим отличается от взгляда африканских дикарей. Так, например, по воззрениям хевсуров, родильница — нечиста, и при приближении родов она должна удалиться в особое помещение (и по виду, и по характеру не лучше хлева) и здесь, случается, зимой, в холодном помещении она разрешается от бремени и остается с новорожденным целый месяц, получая, как нечистая, через окошко пищу. Нередко случается в зимнюю пору, что родные, загля-

нув на утро в конуру, находят на куче соломы окоченелые трупы несчастной матери и младенца. Также нечистой считается женщина и во время месячных очищений и удаляется также в отдельную конуру, где и остается во все время очищений, не смея войти в саклю и получая пищу, как и роженица, через окошко (см. рис. 48). Такие пережитки глубокой старины мы наблюдаем в глухих захолустьях Кавказа. От непомерной работы горская женщина быстро стареет и в 30—35 лет делается старухой, а от непрестанного пребывания у дымного очага она ходит с вечно воспаленными глазами, болеет ими и часто слеппет.

36. Поэзия горцев.

Как все народы, долгое время остававшиеся бесписьменными, горцы Северного Кавказа сохранили в своей памяти богатый запас воспоминаний о седой старине, о древних родоначальниках, о разных легендарных героях и их подвигах—то далеких и баснословных, то жизненных и реальных, близких уже к нашему времени. Это духовное наследство, полученное от далеких предков, в науке называется „народной поэзией", или „устной народной словесностью". Хранителями и рассказчиками этих народных преданий являются у горцев обычно почтенные старики, изредка молодежь—юноши, и никогда — женщины. Любимыми темами у всех горцев являются песни о нартах — полусказочных геролх. Подвиги богатырей-нартов Батраза, Сосырко, Хашыца и др. воспеваются у всех горцев от Черного моря и до Каспийского, но лучше всего эти песни сохранились у осетин, которые любят слушать их и любят распевать под звуки несложного музыкального инструмента — „фындыря".

Много беднее горцы литературой письменной, искусственной, которая начала зарождаться у них с появлением письменности, можно сказать, на нашей памяти.

Здесь опять-таки первыми идут осетины, которые уже выдвинули из своей среды несколько даровитых поэтов и публицистов. Наиболее талантливыми и известными у горцев считаются Коста Хетагуров и Бритаев (оба умершие). Осетины чтут их не только как талантливых поэтов, но и как мужественных борцов за счастье и лучшее будущее своего народа и особенно за будущее трудового обездоленного люда,

37. Заключение.

Вот те первоначальные сведения о народностях Северного Кавказа, с которыми больше всего сталкиваются как русские уроженцы Кавказа, так и приехавшие с далекого Севера. Эти сведения не являются исчерпывающими, да автор и не претендовал на это, но их можно считать достаточно полными для того, чтобы ориентироваться на первое время и составить себе некоторое представление о том, что за край — эти предгорья и ущелья Кавказа, что за народы там обитают, как они живут, чем занимаются.

Указать отдельный труд, который в немногих главах давал бы исчерпывающие сведения о всем Кавказе, автор не может, да и не знает такого. Но отдельных работ, составляющих сводку сведений по тому или иному вопросу, имеется уже немало [1].

Заканчивая мой краткий и во многих отношениях несовершенный очерк, не могу не прибавить следующего. Как я уже сказал выше, и как видно из самого заглавия, книга моя охватывает только народности, тяготевшие к бывшей Военно-Грузинской дороге или, вернее, расположенные географически близко к центральному Кавказу. По некоторым соображениям я не включил туда других народностей Предкавказья, как, например, турецко-татарских племен (кумыков, балкарцев, карачаевцев и др.), разбросанных отдельными, часто небольшими гнездами по всему Северному Кавказу; не включил я сюда и западных адыгейских (черкесских) племен. Каждое из них, пережив свою историю, иногда очень громкую и красочную (как, например, западные адыге с их столетней упорной борьбой против русских и почти поголовным выселением в Турцию), — в своих верованиях и в своем внутреннем домашнем быту имели и имеют и поныне много общего, почему я, чтобы не повторяться,

---

[1] На первое время полезно ознакомиться хотя бы с такими книгами: Надеждин — „География Кавказа", 2-е издание; Ляйстор и Чурсин — „География Кавказа" (в конце книги 2 главы по этнографии); Гехтман, проф. — „Экономическая география Грузии"; Вейденбаум — „Путеводитель по Кавказу"; Анненков — „Путеводитель по Кавказу".

и не включил их в свою книгу. — Второе касается самого содержания моей работы, особенно ее этнографической части. Среди отдельных горских племен Предкавказья темп переживаемой революции проходит местами особенно бурно и лихорадочно. Больше всего это бросается в глаза у осетин. Здесь с массовым и спешным выселением горцев на плоскость в отдельных случаях происходит полная ликвидация всего старого, изжитого. Бросается и разрушается в горах старый закоптелый ходзар (сакля) с дымным дедовским очагом и надочажной цепью и спешно возводится на равнине на новых участках высокий, светлый дом русско-европейского образца и, конечно, с новым приспособлениями. Бросаются старые примитивные земледельческие орудия и заводятся усовершенствованные сельскохозяйственные машины: тракторы, косилки, молотилки и пр. Происходит огромный сдвиг и в области миросозерцания... Масса стихийно потянулась к ученью, особенно масса молодежи (и юноши, и девушки), и школы при двойных сменах не в состоянии вместить желающих. Возникают по селениям женотделы, и всегда безгласные, бесправные молодые осетинские женщины по отдельным местам уже проводятся делегатками и даже в президиум сельских исполкомов.

Короче, нет той области, нет того уголка в жизни осетина и почти каждого горца, куда бы не заглянула революция и где бы она не оставила своего заметного следа. И, вероятно, многое из того, что я видел своими глазами и описывал всего лишь два года тому назад, ушло в область предания и, может-быть, уже никогда не повторится.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

От автора 3

Глава I. Очерк историко-географический.

1. Горы главного Кавказа 5
2. Орошение 6
3. Природные богатства 9
4. Дороги 10
5. Население . . . . . —
6. Ингуши 12
7. Чеченцы 15
8. Хевсуры 19
9. Осетины 22
10. Кабардинцы 28

Глава II. Материальная культура.

11. Горский аул и горские жилища 35
12. Одежда горца 39
13. Пища и питье 43
14. Земледелие 44
15. Мельница 49
16. Использование и расходование хлеба 53
17. Скотоводство (общий очерк) 55
18. Овцеводство 59
19. Изготовление сукна 62
20. Вязанье 66
21. Бурочное производство . . . . . —
22. Производство шляп и шапок (папах) 69
23. Скотоводство (крупный рогатый скот) 72
24. Молочное производство 73
25. Коневодство 76
26. Пчеловодство 81
27. Седельное производство 84
28. Кузнечный промысел 85
29. Деревообделочное искусство 86

Стр.

Глава III. Духовная культура.

30. Религия 88
31. Вера в загробную жизнь 93
32. Кровная месть 98
33. Суд и расправа 101
34. Гостеприимство 104
35. Брак, калым и положение женщин у горцев 105
36. Поэзия горцев 108
37. Заключение 109